

А Ж У Л И Я Ф О К С

РАССВЕТ
ЭЛЛАРИИ

18+

Эллария

Джулия Фокс

Рассвет Элларии

«Автор»

2026

Фокс Д.

Рассвет Элларии / Д. Фокс — «Автор», 2026 — (Эллария)

Книга третья. Финальный аккорд истории Элларии - о неизбежности судьбы и свете, который рождается в самом сердце беспросветной бездны. Даниэлла - дитя нового рассвета, унаследовавшая мир, построенный на крови, жертвах и тайнах её родителей. Лео - живое оружие, закованное в броню Жнеца, всю жизнь пытающийся доказать, что он больше, чем рождённый Пустотой клинок. Она безоговорочно видит в нём человека. Он боится, что однажды тьма внутри него докажет обратное. Мнимое затишье подошло к концу. Пока Бог Смерти молчит, забытые тайны пробуждаются от многолетнего сна, требуя свою дань. Когда на доске появляется фигура, готовая пожертвовать будущим ради возвращения утраченного, героям придётся принять пугающую истину: самые страшные злодеяния в этом мире совершаются не из ненависти. Их совершают из любви. Можно ли вернуть тех, кого навеки забрала смерть? Где заканчивается спасение и начинается чистое безумие? И кем ты останешься, если твоя собственная душа никогда не принадлежала только тебе?

© Фокс Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Даниэлла	5
Глава 2. Лео	9
Глава 3. Даниэлла	14
Глава 4. Лео	18
Глава 5. Даниэлла	23
Глава 6. Лео	29
Глава 7. Даниэлла	34
Глава 8. Лео	39
Глава 9. Даниэлла	43
Глава 10. Лео	47
Глава 11. Даниэлла	52
Глава 12. Ноа	56
Глава 13. Лео	59
Глава 14. Даниэлла	65
Глава 15. Лео	68
Глава 16. Даниэлла	74
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Джулия Фокс

Рассвет Элларии

Глава 1. Даниэлла

В нашем саду трава всегда очень высокая — если я присяду на корточки, то становлюсь совсем невидимой, представляя, что прячусь в маленьком лесу. Мама говорит, что здесь земля «добрая», потому что она пахнет солнцем и яблоками, а не тем страшным и противным дымом, который я иногда вижу в своих снах.

Мне нравится наш маленький двухэтажный домик со скрипучими ступеньками, а вчера я нашла настоящее сокровище. Казалось, мы живём тут целую вечность.

— Лео! Лео, иди скорее сюда! — Я замахала рукой, стараясь не задеть колючий куст дикого шиповника.

Он старше меня, ему целых восемь, и, похоже, он самый серьёзный человек на свете. А я хочу, чтобы он улыбался.

Лео спустился по ступеням. Его шаги были такими тихими, что даже кузнечики в траве не замолчали. Он подошёл и встал рядом, глядя на меня сверху вниз своими янтарными глазами.

— Что ты там нашла?

— Гляди! Они настоящие! — Я указала пальчиком в самую гущу тени под старым деревом.

Там, среди жухлых стеблей, распустились крошечные цветы. Они были такими синими, что казались маленькими кусочками неба, которые упали в грязь и не разбились. И они светились. Честное слово! От их лепестков исходило мягкое лазурное сияние, будто внутри каждого бутона спрятан маленький светлячок.

— Ого... — Лео присел на корточки рядом со мной. Он не стал протягивать руку, чтобы сорвать их, а просто смотрел, и в его глазах отражались эти синие искорки. — Это лазурные цветы. Мама говорит, что они вырастают только там, где мир больше не болит.

— Папа сказал, что это свет жизни. — Я важно кивнула, вспоминая вчерашний разговор родителей. — Значит, мы скоро сможем поехать во Дворец! Папа обещал. Там такие коридоры, что можно бегать весь день и ни разу не встретить одну и ту же стену. А ещё там повара делают пирожные. Настоящие! Сладкие-пресладкие, с белым кремом, который тает во рту, как облако. Тут лепёшки... они вкусные, но они не умеют так таять.

— Каин говорит, что Дворец — это клетка, — тихо произнёс Лео. — И что сладости делают нас слабыми.

— Разве он не твой папа? — растерялась я, вспоминая того страшного дядюшку, который всё время спорит и злится.

— Нет... Он мой... Учитель.

— Дядя Каин просто ворчун! — Я вскочила и схватила Лео за руку. Его пальцы были прохладными, и я крепко их сжала. — Пойдем в дом. У меня наверху куклы. Мы будем играть, будто мы — принц и принцесса, которые вернулись домой из долгого путешествия.

Лео заколебался, оглянувшись на окна первого этажа, но потом кивнул. Его серьёзное лицо чуть-чуть посветлело, когда он посмотрел на меня.

Я потянула мальчика за собой к задней двери нашего дома. В прихожей пахло свежестиранными занавесками и мамиными травами, но из гостиной доносились голоса, от которых воздух казался важным. Я прижала палец к губам и скорчила рожицу, призывая Лео к тишине. Мы на цыпочках подошли к двери и присели прямо на прохладные доски пола.

Голос папы был низким, он вибрировал в стенах.

— Можно попробовать сделать из Жнецов настоящих людей. По-настоящему свободных, — произнёс он так уверенно, что мне сразу захотелось захлопать в ладоши. — Возможно, подберём ключ и к Одержимым.

Я посмотрела на Лео. «Сделать людьми». Разве он не человек? Ну и что, что Жнец? Без маски он обычный мальчик.

— Человек... — голос тёти Эвелин прозвучал на выдохе.

— Без проклятия, без голода Смерти, без вечного долга.

Я нахмурилась. «Голод Смерти» — звучало как что-то очень невкусное, хуже горькой микстуры.

— Вы сможете отбросить эту бесконечную обязанность, — продолжал папа. — Сможете иметь настоящую семью. Детей. Общее будущее, которое будет принадлежать только вам, а не этому Ордену.

Лео рядом со мной почти перестал дышать. Его ладонь, которую я всё ещё сжимала, стала совсем ледяной.

— То есть ты хочешь, чтобы мы убедили всех довериться стране, которая ещё вчера была источником апокалипсиса? — спросила тётя Эвелин острее. — И довериться тому, кто этот апокалипсис возглавлял? Параллельно помочь с Сущностью... А взамен... Каин станет человеком?

— Не совсем так. Но в общих чертах — да, — ответил папа.

Тётя Эвелин коротко усмехнулась.

— Скромный план, ничего не скажешь. А говорил, что в судьбу не веришь.

— Он всегда будто играет в шахматы с миром, — раздался мягкий голос мамы. Я пред- ставила, как она в этот момент улыбается своей «королевской» улыбкой.

— Я не прошу вас принимать решение прямо сейчас. Это слишком серьёзный шаг... — папа вдруг замолчал, и мне показалось, что он посмотрел прямо на дверь, за которой мы прятались.

Я испуганно дёрнула Лео за рукав, и мы вихрем помчались вверх по лестнице. Моё сердце колотилось где-то в горле.

— Чуть не попались... — зашептала я, когда мы оказались в безопасности моей комнаты.

Я с облегчением захлопнула дверь. Здесь, под самой крышей, было совсем не страшно. Солнечные зайчики прыгали по пёстро- му ковру, а на полках, которые папа сам вырезал из светлого дерева, сидели мои главные сокровища.

Лео посмотрел на свои руки. В его глазах было столько всего непонятного, что мне стало немножко грустно. Он выглядел так, будто папа только что пообещал перевернуть всё небо вверх тормашками.

— Садись вот тут. — Я указала на мягкую подушку на полу и плюхнулась рядом, а юбка платья взметнулась розовым облаком. — Сегодня у нас будет самый настоящий пир. Как во Дворце!

Когда Лео сел, я выставила перед ним три щербатые деревянные чашки и усадила рядом Леди Пуговку. У неё вместо глаз были пришиты блестящие кругляшки, и мне всегда казалось, что она смотрит на мир очень внимательно.

— Лео, бери Сэра Валериуса. — Я протянула ему куклу в нарисованных доспехах. — Он должен сказать: «Ваше Высочество, я привёз вам гору сладостей!»

Лео взял куклу очень осторожно, словно она была сделана из тонкого льда, который мог растаять от тепла его ладоней.

— Какие они... сладости? — тихо спросил он, не глядя на меня.

Я замерла с игрушечным чайником в руках. Мои глаза округлились.

— Ты не знаешь? Ну... это когда от вкуса становится тепло и очень-очень радостно... — Я зажмурилась, и перед глазами сразу всплыли высокие золотые залы и бесконечные столы. —

Такие пирожные... Белые, как пух из подушки, но только их можно было есть. Мама называла это «взбитые сливки». Они пахли ванилью и таяли на языке, как снежинки, только они были сладкие. Сладкие — это когда ты не можешь перестать улыбаться, пока жуёшь.

Я облизнула губы, почти чувствуя этот забытый вкус. Здешние булочки были сытными, но в них не было того волшебства. Они пахли дымом и солью, а не сказкой.

— Каин говорит, что еда — это сила для мышц. — Лео поднял на меня глаза. — А сахар... он говорит, что от него кровь становится ленивой. Я не знаю, какой он на вкус.

— Когда мы вернёмся домой... — Я решительно придвинулась ближе и схватила его за руку. — Я найду самого главного повара. И прикажу ему испечь тебе торт с тебя ростом! Там будет малина, шоколад и столько сахара, что ты сойдёшь ума от счастья. Ты будешь есть его ложкой, вот так!

Я показала, как нужно зачерпывать воображаемый крем, и Лео вдруг улыбнулся.

— Каин не разрешает мне много играть, — прошептал он, оглянувшись на закрытую дверь. — Если он узнает, что я сижу здесь с куклами...

— Каин, Каин... Вот ты заладил! Не узнает! — Я прижала палец к губам. — Мы спрячемся за воображаемым туманом. Слышал, что папа говорил? Он сделает твоего Каина человеком, и тот перестанет быть таким злым. И тогда ты сможешь играть, сколько захочешь.

Лео снова посмотрел на свою ладонь, став серьёзным. Неужели пытается представить этот таинственный «сахар»?

— А человек... — Он запнулся. — Человек — это тот, кому можно не бояться Тишины? Я не знала, что ему ответить. Просто взяла Леди Пуговку и протянула мальчику.

— Это тот, кто любит пирожные.

Глава 2. Лео

Я чувствовал себя неуклюжим и лишним среди этих розовых лент и кружев. Леди Пуговка смотрела на меня своими блестящими глазами, и мне было неловко перед ней. Я не знал, как заставить её «хотеть чая», как просила Даниэлла. Для меня кукла была просто вещью — деревом и тканью. Она не дышала, в ней не было той дрожащей искры, которую я видел в людях.

— Дани, — тихо позвал я, когда она в очередной раз попыталась впихнуть Сэру Валериусу воображаемое пирожное. — Я не умею так. Это... это ненастоящее.

Даниэлла надула губы, и маленькое золотистое облачко вокруг неё обиженно всколыхнулось.

— Но это же игра! Ты просто должен представить.

Я вздохнул. Представлять было трудно. Зато я умел другое. Я в который раз оглянулся на дверь — в коридоре было тихо, взрослые всё ещё спорили внизу. Меня учили, что Пустота — это оружие, которое должно поглощать врага. Но когда я оставался один, она казалась мне глиной. Послушной и очень одинокой.

— Хочешь, я покажу тебе по-настоящему? — прошептал я.

Я вытянул руку над ковром и сосредоточился, чувствуя привычный холодок, который заструился по венам, стекая к кончикам пальцев. Пустота не заставила себя ждать. Она вытекла из ладони густой, маслянистой чернотой, темнее любой тени в углу комнаты.

Чернильные капли повисли в воздухе, сплетаясь друг с другом и не касаясь ворса. Секунда — и на ковре задрожал крошечный олень, созданный из чистой тьмы. Я вылепил ему каждую веточку рогов, каждое копытце. Он встряхнул головой и сделал грациозный прыжок, пролетев сквозь лучик света. Там, где он проходил, солнечные зайчики на мгновение гасли.

— О-о-ох... — выдохнула Даниэлла, прижимая руки к щекам.

Я повёл пальцами вправо, и из тени шкафа выскочил лохматый и быстрый чёрный волк. Он пустился в погоню за оленем, они кружили вокруг кукольного домика, бесшумно прыгая через игрушечные чашки. Это был мой способ рассказать ей то, что я не умел выразить словами. О том, как в лесу страшно и красиво одновременно. О том, что темнота не всегда хочет причинить боль.

Затем я создал фигурку девочки. Она была совсем крошечной, но у неё были такие же пышные волосы, как у Даниэллы. Теневая малышка протянула руки к оленю, и тот ткнулся ей в ладонь дымчатой мордой.

— Это... это я? — прошептала Дани, протягивая палец к фигурке.

— Не трогай, — быстро предупредил я. — Тебе будет больно.

Я сжал кулак, и теневой театр мгновенно рассыпался чёрным туманом, втянувшись обратно в кожу. В комнате снова остались только куклы и солнечный свет.

— Дани, только... — Я замялся, а сердце забилось быстрее. — Никому не говори. Пожалуйста.

— Почему? Это же так красиво! Это магия!

— Нет, — я покачал головой, вспоминая суровый взгляд наставника. — Пустоту нельзя тратить на глупости. Если Каин узнает, что я играю с ней... он будет очень сильно ругаться.

Я никогда и никому не показывал этот фокус. Боялся, что если кто-то из взрослых увидит моих зверей, то подумает, что я «неправильный» Жнец. Что внутри меня вместо леденящей Тишины, о которой все молитвы, живёт желание создавать что-то живое, пусть даже оно сделано из тьмы.

— Обещаю! — Даниэлла серьёзно кивнула и даже приложила руку к сердцу, как это делали рыцари в маминых сказках. — Это будет наш самый главный секрет.

Я не успел ничего ответить — дверь в комнату мягко скрипнула. На пороге стояла мама. Её рыжие волосы в лучах заходящего солнца казались настоящим костром, но дымка вокруг — та самая нежная, розоватая пыльца, которую я видел только у неё — сейчас была беспокойной. Она дрожала и тускнела, становясь серой по краям.

— Лео, милый, нам пора, — тихо сказала она.

Даниэлла тут же вскочила, поправляя платье, и замахала мне ладошкой. Я поднялся, чувствуя, как привычная тяжесть возвращается в плечи. Стоило мне выйти из этой комнаты, полной солнечных зайчиков, как в груди всё начало стягиваться в узел, напоминая, кем я стал.

У самого выхода мама подобрала мою маскарадную маску, но не отдала мне её. Она открыла входную дверь, но я не сдвинулся с места.

— Я могу...?

— Да, можешь, — она улыбнулась и потянула меня наружу.

На улице уже густели сумерки. Городок затихал: за заборами лениво переругивались куры, пахло остывающей землёй и яблонями. Мама вела меня за руку, но её ладонь, обычно тёплая и уверенная, слегка подрагивала. Она шла молча, глядя куда-то вдаль, поверх крыш, туда, где небо становилось фиолетовым. Она была «не здесь». Её мысли были тревожными — я видел это по тому, как её дымка цеплялась за ветки деревьев, оставляя за собой тусклые следы. Я боязливо оглядывался по сторонам, ощущая, как лицо обволакивает лёгкий ветерок — это было так непривычно! Этот дядя Ноа... Он сотворил чудо?

— Лео, — позвала мама, когда мы миновали старый колодец.

Она не повернула головы, и мне даже показалось, что она говорит сама с собой.

— Ну, расскажи мне... как тебе твоя новая знакомая?

Я замялся. В голове всё ещё прыгал теневой олень, а в ушах звенел смех Даниэллы.

— Она... она очень громкая, — честно ответил я. — И всё время говорит про пирожные. И ещё она думает, что Дворец — это место, где едят облака.

Мама чуть замедлила шаг. Её пальцы сильнее сжали мою руку.

— Вам было интересно вместе? Ты... не обижал её?

— Нет, — я покачал головой. — И она совсем не боится. Мама... почему она совсем не боится?

Она посмотрела на меня. В её глазах я увидел глубокую печаль, и мне захотелось немедленно спрятаться. Розовая дымка вспыхнула, окутывая меня волной тепла, но тут же снова померкла.

— Потому что она верит в своего отца, — тихо ответила мама. — И в то, что мир может быть добрым. Это редкий дар. Постарайся его не сломать.

Мы подошли к нашему крыльцу. Окна первого этажа светились тусклым светом, а чернильно-чёрная, полная острых игл дымка Каина уже ждала нас за дверью.

Мама вздохнула, поправила мой воротник и потянулась к ручке. Уютный и солнечный мир Даниэллы остался где-то там, за поворотом, а здесь снова начинался мрак, от которого я не мог отделаться с момента получения новой жизни.

На кухне было прохладно. Мама мягко подтолкнула меня к стулу и принялась раскладывать по тарелкам еду — простую кашу и кусок вяленого мяса. В нашем доме никогда не пахло угощениями, о которых так восторженно щебетала Даниэлла. Здесь пахло книгами, сталью и горькой полыньёю.

— Ешь, Лео, — тихо сказала она, ставя передо мной тарелку.

Дверь кухни скрипнула, и воздух мгновенно стал давящим. Каин зашёл бесшумно. Сегодня шар в его груди пульсировал медленно и тяжело, как бьющееся сердце из плотного гранита. Его лицо было бледным, а взгляд — таким острым, что, казалось, он мог разрезать само пространство.

Мама сразу обернулась. Она сделала шаг ему навстречу, и я снова увидел то чудо, которое случалось только между ними: стоило её розовой дымке коснуться его колючей тьмы, как чёрные иглы начали таять. Это было похоже на то, как солнечный свет съедает утренний иней. Каин замер, его плечи чуть опустились, и он положил ладонь на её талию. Они не сказали ни слова, но я видел, как их дымки потянулись друг к другу, сплетаясь невидимыми, прочными нитями. Между ними вспыхнула такая яркая искра, что я зажмурился.

— Ты сегодня поздно, — прошептала она, глядя ему в глаза.

— Дела Ордена не знают времени, — его голос звучал сухо, но, когда он смотрел на неё, холод в его взгляде исчезал.

Каин сел за стол напротив меня, его присутствие заставляло меня выпрямить спину.

— Мы ходили прогуляться в город, — как бы невзначай заметила мама, присаживаясь рядом. — Нужно было проветриться. Сегодня очень спокойно.

Каин замер с ложкой в руке, от него разлетелся пучок коротких, подозрительных теней. Он медленно перевёл взгляд на меня.

— Мы? В город? — переспросил он, и в его тоне прорезался металл. — Ты ведь знаешь, Эви, нам не стоит привлекать внимание. Сюда набегит толпа, посмотреть на «легенд».

— Ему нужно видеть людей, Каин... Нельзя держать его взаперти вечно.

— Хорошо... — наставник был явно недоволен. — И кого видели?

После секретного «теневого театра» в комнате Дани мне казалось, что я стал сильнее. И мне так хотелось похвастаться тем, что я не один в этом холодном мире.

— Там была девочка! — выпалил я, и мои щёки вспыхнули. Ложка звякнула о край тарелки. — Её зовут Дани. Она теперь моя подруга! У неё глаза как море, и она совсем меня не боится!

В комнате повисло такое напряжение, что стало слышно, как на улице стрекочет сверчок. Розовая дымка мамы испуганно сжалась, а чёрный шар внутри Каина вдруг начал стремительно расти, заполняя всю его грудь непроглядным мраком.

— Подруга? — очень тихо повторил он, и от этого шёпота у меня по спине пробежал настоящий мороз.

Я вжался в стул, а глаза вспыхнули от боли: шар в груди Каина перестал пульсировать и превратился в мечущийся чёрный вихрь. Это был настоящий шторм из колючей тьмы, который, казалось, сейчас разорвёт его рёбра изнутри.

— Подруга... — Каин медленно поднялся, и его тень на стене вытянулась, становясь неестественно длинной. — Вы... Безумный Король тут!?

Мама резко встала между нами. Она положила ладони ему на грудь — прямо туда, где бушевал шар.

— Каин, выслушай, — тихо произнесла она. — Он не хочет больше войны. Он предложил план. Он верит, что сможет разорвать узы, которые удерживают Жнецов.

— Что за бред!? — Каин оттолкнул её руки, а тьма взметнулась с новой силой. — И что!? Что он хочет от нас!?

— Помочь восстановить Элларию...

— Что сделать? — Каин рассмеялся и начал мерить шагами кухню, и я видел, как за ним по полу тянутся чёрные искры. — Как он себе это представляет?

— Можно ведь подумать... Назваться иным именем...

— А принцесска? А эта девочка? — Он резко обернулся к маме. — Ты не можешь просто стереть прошлое, прикрывшись новым флагом.

Мама тяжело вздохнула и снова подошла к нему. На этот раз она просто обняла его, прижимаясь щекой к его плечу. Я видел, как чёрные иглы нехотя, дюйм за дюймом, начали смягчаться.

— Каин, с закрытия Разлома прошло полгода, — прошептала она. — Мир изменился. Кто свяжет маленькую девочку в пыльном платье из Асадаля с принцессой, которую почти никто не видел в лицо? Ноа сказал... он больше не хочет монархии. Он хочет Союз. Общую территорию, где править будут все вместе. Никаких корон. Только жизнь. Послушай, это наш шанс...

Каин замер. Вихрь в его груди замедлился, но тьма никуда не ушла. Она просто затаилась.

— Союз... — он горько усмехнулся. — Человек хочет построить демократию на пепле, который сам же и оставил. Это либо величайшее безумие, либо самая хитрая ловушка в истории этого мира. И ты опять ему слепо веришь?

Он посмотрел на меня. Его взгляд был острым. Я не выдержал и опустил глаза в тарелку с остывшей кашей.

— Иди к себе, Лео, — бросил он. — И забудь о «подруге». В этом мире друзья — это просто те, кто ещё не успел тебя предать.

Я соскочил со стула и бросился к лестнице, а Пустота в моих руках начала покалывать пальцы. Я не понимал, что такое «монархия» или «демократия». Я просто знал, что вихрь Каина — это клетка, и мама очень боится, что не сможет его удержать.

Взрослые продолжили что-то обсуждать на высоких тонах, но я решил не подслушивать.

Глава 3. Даниэлла

В нашем доме сегодня пахло не только яблоками, но и духами, которыми набрызгалась мама, и крепким горьким чаем. Мама надела своё самое красивое платье — тёмно-зелёное, с высоким воротником. Она выглядела как королева из моих книжек, только её пальцы всё время нервно перебирали складки ткани.

Папа стоял у окна, спокойный, как гора, пока не постучали в дверь.

— Пришли, — тихо сказал он.

На пороге были они: тётя Эвелин, Лео и дядя Каин. Этот воин выглядел страшно. Тут все носят мягкие куртки и улыбаются, а он был одет во всё чёрное, и от него пахло сталью и чем-то таким колючим, что у меня зачесался нос. Он сегодня тоже был без маски, и больше всего меня напугали его глаза. Он смотрел на моего папу так, будто хотел драки прямо здесь, на коврике для обуви.

— Ты, — выплюнул дядя Каин вместо приветствия. — Как ты нас нашёл?

Папа сделал шаг вперёд, не опуская взгляда.

— Здравствуй. В этом мире мало мест, где герой-Жнец может спрятаться.

— Ты поселился в двух кварталах от нас, — дядя Каин шагнул в дом. — Ты следил за нами.

— Я ждал момента, когда мы сможем поговорить без клинков в руках, — спокойно ответил папа.

Мама тут же оказалась рядом. Она мягко улыбнулась, хотя её глаза оставались серьёзными, и положила руку на плечо папы, погладив, совсем чуть-чуть, кончиками пальцев.

— Проходите, пожалуйста. Не стоит начинать разговор с угроз, когда дети смотрят на вас.

Она кивнула в мою сторону. Я стояла, прижавшись к перилам лестницы, и взглянула на Лео. Он был бледным и смотрел на дядю Каина со страхом. Мне захотелось его спрятать.

— Малышка, — мама посмотрела на меня, — проводи Лео наверх. Поиграйте в вашей комнате, пока мы... пообщаемся.

Я знала этот тон. Это значило: «Уходите быстро, пока взрослые не начали кусаться». Я подошла ближе, схватила Лео за руку и потащила его по ступенькам. Он шёл за мной как кукла, не оборачиваясь. Но как только мы оказались на втором этаже, я не пошла в комнату. Я плюхнулась на живот прямо на верхнюю ступеньку и прижала ухо к щели между балясинами.

— Ложись, — шепнула я Лео. — Они сейчас будут говорить о чём-то важном.

Лео заколебался, но страх в его глазах сменился любопытством. Он лёг рядом, замирая.

Снизу донёсся звон чашек.

— Ты думаешь, — голос дяди Каина долетел до нас, теперь он звучал тише, но ещё опаснее, — я забуду, кто ты?

— Предполагаю, Эвелин тебе уже всё рассказала.

— Рассказала достаточно.

— Тогда ты понимаешь, что ничего не закончилось. Твой Бог украл огромную силу, и не ясно, чем это аукнется. Я предлагаю будущее для твоего сына, — ответил папа. — Ты хочешь, чтобы он сгорел в этой Пустоте, так и не узнав вкуса свободы?

— Он не мой сын.

— Да? Уверен, что ты так не считаешь.

— И чего ты хочешь?

— Чтобы ты меня выслушал, — заговорил папа тише. — Я не хочу восстанавливать трон. Эллария станет Союзом. Местом, где правители всех земель будут сидеть за одним столом, вместе с Жнецами. Общая территория, общие правила.

— Какая глупость. — Каин фыркнул, и я услышала, как звякнула его чашка. — Ты хочешь, чтобы волки и овцы обсуждали погоду?

— Я хочу, чтобы Орден перестал быть бродячим кошмаром и стал объединителем, — отрезал папа. — В обмен на поддержку этого Союза я дам всё: ресурсы, знания, помощь. Жнецы больше не будут отшельниками. И вам они доверяют больше, чем кому-либо ещё.

Лео сжал мои пальцы.

— Ты хочешь использовать нас? — в голосе Каина снова заскрежетала сталь.

— Я хочу понять, насколько крепко Бог Смерти держит вас за горло, — сказал папа, и у меня по спине отчего-то пробежали мурашки. — Эта связь... я должен знать, можно ли их разорвать или хотя бы ослабить. Если мы построим новый мир, в нём не должно быть рабов.

— Я помогу, — вдруг раздался голос тети Эвелин. Он был ясным и горячим. — Каин, он прав. Мы не можем вечно бежать. Если есть хоть минимальная возможность избавить Жнецов от бремени... мы должны его использовать. Я поговорю с ними.

— Эви... — вздохнул дядя Каин. — Это невыполнимые амбиции.

— Подумай о Лео, прошу, — добавила тётя Эвелин совсем тихо. — Ты хочешь, чтобы он рос, вечно оглядываясь? И погиб, как...

Я посмотрела на Лео. Его глаза в темноте коридора блестели. Он не смотрел на меня, он смотрел вниз, туда, где взрослые спорили.

— Ты так легко веришь ему? — голос дяди Каина стал совсем тихим и свистящим. — Ты смотришь на него так, будто он — мессия.

— Я верю в то, что он единственный, кто может дать нам шанс, — ответила тётя Эвелин.

Дядя Каин резко поднялся, и стул с скрипом сдвинулся.

— Хватит! — отрезал он. — Это абсурд. Мой Бог никогда не подпустит к власти такого, как ты. Ты мир уничтожил, твою-то мать!

Он повернулся к маме и папе, и я увидела, как его пальцы сжались на краю стола так сильно, что дерево жалобно скрипнуло.

— Именно поэтому мы сейчас разговариваем. Я честен, Жнец. Дай мне очистить свою совесть. Ты и сам понимаешь, что последствий произошедшего не миновать. И к ним нужно подготовиться.

Я зажмурилась, стараясь превратиться в слух. Лео рядом со мной дышал так редко, что мне казалось — он тоже стал частью деревянной лестницы. Внизу решалось наше будущее, и оно пахло старой враждой. Слова папы были похожи на камешки, которые он аккуратно выкладывал в ряд, строя мостик.

— Ты думаешь, что бремя ляжет на детей?

— Несомненно.

Повисло молчание.

— Знаешь что? Хорошо, Безумный Король, — глухо произнёс дядя Каин. — Мы встретимся с Орденom. Бог Смерти сам рассудит... но, если прикажут, я сам заберу твою душу, и никакое новое имя тебя не спасёт.

— Договорились, — спокойно ответил папа.

Я выдохнула. Мостик был построен.

— Идём отсюда, — бросил дядя Каин тёте Эвелин, даже не глядя на неё.

Лео рядом со мной сжался в маленький комочек. Он уткнулся лбом в холодное дерево лестницы.

Снизу слышались шаги — дядя Каин направлялся к выходу. Тетя Эвелин задержалась на секунду, бросив на папу долгий, печальный взгляд, и пошла следом.

— Мы уже уходим ... — прошептал Лео, поднимая на меня глаза.

Глава 4. Лео

Храм Жнецов встретил нас стужей. В Асадале даже в самые холодные дни земля оставалась живой, она пахла травой и согретым деревом. Здесь же жизнь заканчивалась прямо у порога. Храм не казался мне зданием, выстроенным людьми, он выглядел как колоссальный, застывший осколок первородной тьмы, вонзившийся в холмы Миридана. Огромные чёрные плиты поглощали слабый утренний свет, а массивные башни высоко над головой уходили в непроглядную туманную высь.

Я крепко держался за шершавый край маминого плаща, стараясь смотреть под ноги. В просторных галереях Храма то и дело мелькали безмолвные фигуры. На их лицах застыли костяные черепа — верный знак, что в здании появились обычные люди. В груди каждого Жнеца пульсировала вязкая чернота — неровные, голодные дыры, которые лениво вращались, высасывая из воздуха остатки тепла. От этого зрелища мои глаза начинали слезиться.

Каин шёл впереди, чеканя шаг. Перед ним уверенно ступал дядя Ноа. По дороге в Миридан мне сказали, что теперь его нужно звать Киллианом. Какое-то глупое имя.

— Мы делаем ошибку, Эви, — едва слышно, одним лишь порывом горячего дыхания выдохнул наставник, не оборачиваясь и продолжая буравить взглядом спину дяди Киллиана. — Не будь тебя, я бы ни за что не оказался здесь. Эта тварь должна сдохнуть, и ты это прекрасно знаешь.

— Я чувствую, что так правильно, — тихо отозвалась мама. — Что это единственный верный путь для всех нас.

— Ты не пережила всех тех ужасов, — Каин резко выдохнул через нос. — Ты не видела тысячи смертей.

— Каин, я прошу тебя, — голос мамы на мгновение дрогнул, — пожалуйста, просто доверься мне ещё раз.

— Ты заставляешь меня, — горько процедил наставник. — А ведь ты обещала. Обещала, что никогда не станешь использовать нашу связь, чтобы ломать волю и влиять на решения.

Бледное лицо мамы на мгновение исказилось, а серые полы плаща тяжело опали на холодные чёрные плиты.

— Что? Нет... Я не заставляю тебя! — В её шёпоте послышался испуг. — Я бы никогда не поступила так с тобой!

— Значит, ты делаешь это невольно, — отрезал он. — Твоя суть тянет меня за собой, даже когда ты сама этого не осознаёшь.

Они остановились у тяжёлых, окованных железом дверей зала Совета. Каин обернулся ко мне и коротко кивнул на каменную скамью у стены.

— Жди здесь. И никуда не уходи.

Они зашли внутрь, и двери захлопнулись с замогильным стуком. Я остался один в пустом коридоре. Время потянулось медленно, как замерзающая вода. Из-за толстого камня и магических печатей, высеченных на дверях, не доносилось ни единого звука.

Всё, что мне оставалось, — смотреть на узкую щель под дверью: сквозь неё просачивались дымки присутствующих. Чернильные, колючие иглы Каина яростно сталкивались с бушующими, грозowymi волнами янтарной дымки дяди Киллиана. Розовое свечение мамы робко пыталось сгладить эти острые углы, а из глубины комнаты им навстречу поднималась чужая тьма. Это была дымка старейшины Храма. Спорили они там или договаривались, я не знал, но этот безмолвный танец заставлял меня сжиматься на каменной скамье от подспудного страха.

Наконец, печати на дверях тускло мигнули. Замки лязгнули, и створки разошлись в стороны.

Первым вышел папа Даниэллы. Его лицо было абсолютно спокойным, словно он только что выиграл важную партию. Вслед за ним показался Каин, чья колючая тьма немного улеглась, и мама, устало потиравшая виски. Вместе с ними из зала Совета вышел старейшина Марек. Чёрный шар в его груди пульсировал слабо, но от него веяло огромной, неоспоримой властью.

Марек поднял руку, и по коридорам Храма пронёсся низкий, вибрирующий гул — призыв, который заставил ожить каждую тень.

— Всех созовут в Главный зал, — тихо сказала подошедшая мама, бережно коснувшись моего плеча.

Мы двинулись по переходам вслед за Каином и дядей Киллианом. Со всех сторон, из боковых галерей и тёмных келий, в поток вливались Жнецы. Десятки костяных масок двигались в одном направлении.

Главный зал встретил нас колоссальным пространством. Жнецы замерли ровными, чёрными рядами, превратившись в безмолвную армию. Чёрные дыры в их груди сливались в единый, пугающий омут Пустоты, от которого кружилась голова.

Киллиан уверенно поднялся на каменный подиум в центре зала. Он обвёл взглядом это море масок, и его голос зазвучал под сводами:

— Служители Ордена! Моё имя — Киллиан. В моих жилах течёт кровь древних наместников, тех, кто закладывал основы этого мира до того, как земли поглотил Хаос Разлома.

Я заметил, как Каин едва заметно напрягся. Он говорил, что папа Даниэллы — сын последнего правителя Элларии. Я совсем не понял, о чём тот говорит сейчас. Он что, врёт?

— Мир всё ещё истекает кровью, — продолжал дядя Киллиан. — Одержимые и демоны кишат на землях. Без вашей помощи люди не смогут жить спокойно. И я хочу дать вам то, чего вы все желаете, — свободу от этих костяных оков.

Когда он умолк, на каменный подиум ступил старейшина Марек. Его сгорбленная фигура казалась хрупкой, но, когда он заговорил, дребезжащий голос, усиленный эхом, заставил замолчать даже шорох в дальних углах зала.

— Братья и Сёстры, — произнёс Марек, и его скрытый маской взгляд медленно скользнул по рядам присутствующих. — Бог Смерти долгое время молчит. Наш Покровитель оставил нас наедине с жизнью, и долг — это всё, что у нас осталось. Но если бы этот договор был предательством, если бы замыслы Киллиана вели нас к гибели, наш Бог вмешался бы. Его молчание — знак. Времена меняются, и в мире появляются новые силы, способные избавить человечество от бесконечной агонии. Этого человека привели наши герои.

Марек повернулся к дяде Киллиану.

— Он предложил сделать павшую Элларию новым, несокрушимым оплотом Ордена Жнецов, — продолжал старик. — Возможно, он пришёл к нам как вестник нашей дальнейшей судьбы. Но слова чужаков всегда гладки без доказательств. Каин!

Наставник сделал шаг вперёд, и под прицелом десятков глаз его колючая дымка натянулась. Он посмотрел на маму, затем на дядю Киллиана. Здесь из обычных людей были только они двое — все остальные принадлежали Ордену и могли видеть лица друг друга.

Маска наставника развеялась дымкой, и он повернулся лицом к маме, открыто и прямо взглянув в её глаза. По залу пронёсся удивлённый гул голосов. Быть среди людей — мечта каждого Жнеца. Мы часто обсуждали это с другими ребятами, пока я был в Храме.

— Это не требует обрядов, — громко объявил дядя Киллиан, пресекая ропот. Он обвёл взглядом первые ряды и указал пальцем на одного из молодых Жнецов, чья дымка дрожала от волнения. — Ты. Шагни вперёд.

Воин заколебался, но под суровым взглядом Марека медленно поднялся на подиум. Дядя Киллиан шагнул ему навстречу. Он протянул бледную ладонь и прижал её прямо к груди молодого Жнеца — туда, где бушевал ледяной провал. Я видел, как янтарные нити вытянулись из

его пальцев и стремительно, виток за витком, оплели чёрную дыру внутри воина. Так работает магия?

— Снимай, — тихо, но властно приказал дядя Киллиан.

Жнец сглотнул, рассеял маску и судорожно вдохнул сырой воздух открытым ртом. Он медленно перевёл взгляд на маму, затем на дядю Киллиана. Парень ждал, что его обнажённый лик сейчас убьёт их. Но ничего не произошло.

— Я... — выдохнул он, и его голос сорвался от подступивших слёз.

В ту же секунду зал буквально взорвался. Десятки Жнецов сорвались со своих мест. Ровные чёрные ряды смешались. Море дымок вокруг меня вдруг забурило, выбросив безумную, дикую волну яростного, оглушительного восторга. Они поверили. Дядя Киллиан дал им то, о чём они не смели даже мечтать, — возможность вернуться к людям и перестать быть ходячей смертью.

Меня охватил ужас из-за того, насколько вязким стал воздух. Горло сдавило судорожным спазмом, а колени задрожали так сильно, что мне пришлось опереться о холодный гранитный выступ. Этот страх шёл из самой глубины моего существа — так зверь боится всепоглощающего лесного пожара.

Я медленно опустил взгляд и посмотрел на собственные ладони. Из кончиков моих пальцев струились тонкие нити Пустоты. Я прижал руку к груди, туда, где под кожей стучало сердце. Неужели и я излучаю такое? От этой мысли мне захотелось закричать и бежать прочь из этого проклятого каменного здания.

Ликование в зале постепенно утихло, Жнецы возвращались в строй, не скрывая лиц. Папа Даниэллы спустился с подиума и подошёл к Каину и маме. Его лицо оставалось абсолютно безразличным, но янтарная дымка перекатывалась волнами, то угасала, то вспыхивала. Он устал.

Я протиснулся ближе и вдруг услышал, как он негромко произнёс, обращаясь к наставнику:

— Души у вас, конечно, жуткие. Я вижу, как каждого окутала эта ваша Пустота. Тут дышать нечем.

Я замер на месте. «Я вижу». Киллиан видел мир точно так же, как и я? Он смотрел сквозь плоть и броню и замечал эти страшные чёрные дыры? Это... и есть души, о которых говорила мама?

Холодный пот покатился по спине. Я ещё мало понимал в больших разборках взрослых, но отчётливо осознал: эта сила опасна, раз Каин так недолюбливает дядю Киллиана. И это страшно...

Никто не должен знать.

Глава 5. Даниэлла

После того странного вечера, когда взрослые спорили на нашей кухне, папа на какое-то время уехал. Но вскоре он вернулся, и мы прожили в домике ещё немного. Это были необычные недели: внешне всё оставалось прежним, мы так же обедали и гуляли, но не покидало ощущение, будто мы сидим на собранных чемоданах. Папа часто шептался с мамой на веранде. Однажды я подслушала, как он говорил, что разведчики уже ушли далеко на восток, в Элларию, чтобы проверить дороги и узнать, безопасно ли в старой столице для остальных. Я тогда подумала, что разведчики — это такие специальные дяди, которые умеют ходить по траве так, чтобы ни один сухой листик не хрустнул.

Но всему хорошему приходит конец. День, когда за нами приехали, запомнился мне на всю жизнь.

Когда я выбежала на крыльцо, у меня перехватило дыхание. Вся дорога перед домом, насколько хватало глаз, была запружена повозками и могучими конями. Жнецов прибыло полчище! Это был целый конвой, суровый и молчаливый. Большинство из них ехали с открытыми лицами, и без масок они казались просто очень угрюмыми людьми. В самом начале колонны на огромном вороном коне сидел кто-то важный. Он выглядел невероятно старым, его лицо пересекали глубокие серые морщины-трещины.

Перед тем как мы сели в крытую телегу, папа вышел на середину дороги. Он крепко взял маму за руку, а меня свободной ладонью притянул к боку.

Вся эта огромная чёрная армия замерла, уставившись на нас десятками глаз.

— Служители Ордена, — громко и отчётливо произнёс папа, и его голос разнёсся над притихшим городком. — Посмотрите на них. Это моя жена Виолетта и дочь Даниэлла. Моя семья. Прошу, берегите их.

Старик-Жнец медленно, величественно наклонил голову, подтверждая папины слова. За ним послушно склонились и остальные. Мне было немного жутко, но папа держал меня так крепко и надёжно, что страх быстро прошёл. Я поняла, что эти суровые люди в чёрных плащах теперь наша личная гвардия.

Путь до Элларии оказался очень долгим, но мне он совсем не показался скучным, потому что со мной были Лео и другие ребята — его друзья. Тётя Эвелин и дядя Каин ехали в соседней повозке, и нам разрешали караулить дорогу всем вместе.

Мы играли постоянно! Огромный конвой двигался медленно, мерно поскрипывая тяжёлыми колёсами телег, и мы то и дело прыгивали на ходу прямо в мягкую придорожную траву. Мы бежали впереди всех, собирали колючие репейники, швырялись друг в друга шишками или придумывали дурацкие прятки среди движущихся повозок. Жнецы смотрели на нас сверху вниз со своих гигантских коней, как живые каменные статуи. Обычные люди, наверное, упали бы в обморок от страха, но мы весело шныряли прямо между конскими копытами. Я старалась держаться ближе к Лео и толкала его в бок, заставляя бегать наперегонки. Хотя он всегда оставался очень серьёзным и внимательно следил, чтобы я не споткнулась, в его глазах прыгали самые настоящие, весёлые искорки.

Иногда мы замечали, как за нашими играми наблюдает старейшина Марек — так папа назвал того старика. Он казался живой зловещей тенью, но даже он не пытался нас остановить. На ночных стоянках мы с Лео строили шалаши из сосновых веток, пекли в золе картошку и делились сухарями, честно ломая их поровну. Для меня это было захватывающее, грандиозное приключение.

А потом мы наконец приехали. И весь мой придуманный мир с золотыми залами и сладкими пирожными рассыпался, как разбитая чашка.

В Эллароне не было людей. Вообще никого. Когда наш конвой поднялся на холм, я замерла, испуганно вцепившись в деревянный борт телеги. Кругом царило звенящее, жуткое запустение. Величественные белые башни стояли расколотыми, словно огромные гнилые зубы какого-то чудовища. Грандиозные арки обрушились, похоронив под собой широкие улицы, и сквозь трещины в некогда прекрасных мостовых буйно росла густая, жёсткая трава. Всё вокруг было серым, покрытым толстым слоем старого пепла и пыли. Только сквозняк свистел в разбитых окнах заброшенных домов, гоня по пустым площадям высохшие листья. Это было страшно, но я не могла оторвать глаз. Мёртвый, великий город из разбитого фарфора.

Конвой остановился посреди безжизненной площади перед главным замком. Дядя Каин сошёл с коня, его сапоги тяжело звякнули о гранитные плиты.

— Мы построим здесь новый Храм, — глухо произнёс он. — Эти камни станут нашей крепостью, отсюда мы начнём зачистку.

Папа медленно кивнул. Он поднялся на потрескавшиеся каменные ступени дворца и повернулся к замершим рядам Жнецов. Старейшина Марек встал чуть позади него, как безмолвный страж. Папа выпрямил спину, и его голос полетел над площадью, чистый, сильный и леденящий:

— Это место станет сердцем нашего нового Союза, великим оплотом, который больше ни одна тварь не посмеет разрушить.

Жнецы закричали в ответ. Этот звук был таким громким, что, казалось, задрожали сами стены покосившихся башен. Я крепко прижалась к маме, пряча лицо в складках её платья. Было жутко стоять там, где на нас смотрела армия мрачных людей. Но мама спокойно гладила меня по волосам и мягко улыбалась своей самой царственной улыбкой. Эти серые камни вокруг нас обязательно однажды оживут.

Мама сказала, что это наш настоящий дом. Но мне казалось, что нет. Дворец был огромным, но очень грустным. Под нашими сапожками хрустели осколки цветных стёкол, а из углов вместо красивых слуг на нас смотрели только каменные арки.

Мы устроились в бывшей королевской библиотеке. Книжные шкафы из тёмного дерева были повалены, а на полу валялись обгоревшие свитки. Мама села за уцелевший стол, достала чистый пергамент и принялась быстро-быстро писать угольком. Она то и дело замирала, прикрывала глаза и хмурилась, будто вытаскивала слова из какой-то потайной комнатки в своей голове.

— Мама, а что ты пишешь? — спросила я, вертя в руках поломанную деревянную лошадку, которую нашла под завалами. — Это новая сказка?

— Почти, — тихо ответила она, не отрываясь от листа. — Это записи из Дневника Основателя. Я записываю всё, что помню, чтобы мы не совершили ошибку.

Я подошла ближе и заглянула через её плечо. Мама неразборчиво проговаривала что-то вслух, и от её шёпота мне становилось немножко холодно. Речь шла про какое-то «Великое Древо». Но это было не обычное дерево вроде тех, на которые я лазила. Имя какой-то Сущности... Я с трудом разбирала буквы, и пока прочитала эти слова — мама уже была в конце листа.

В дверях послышались шаги, и я радостно обернулась: это был папа! Но стоило мне сделать шаг навстречу, как я притихла. Он выглядел совсем худо, несмотря на чистую одежду и опрятно подстриженную бороду. Его зелёные глаза смотрели куда-то сквозь стены, лицо было бледным, а пальцы, когда он поправлял рукава рубахи, мелко-мелко дрожали. Папа часто становился таким после того, как мы вернулись в Элларию. Мама говорила мне, что у папы «болит память» — из-за того, что в прошлом было слишком много войны и плохих людей, а его мысли до сих пор никак не могли успокоиться, и по ночам ему снились кошмары. В такие моменты от него пахло грустью.

Мама тут же бросила уголёк, поднялась и шагнула к нему. Я видела, как сильно они любят друг друга: ей даже не нужно было ничего говорить. Она просто крепко взяла папу за дрожащие ладони, делясь теплом. Папа судорожно вздохнул, закрыл глаза и уткнулся лбом в её плечо. Рядом с мамой монстры из его воспоминаний всегда отступали.

— Ты снова не спал? — нежно прошептала мама, глядя его по волосам. В её голосе было столько заботы, что мне самой захотелось обнять папу. — Пожалуйста, отдохни. Мы здесь, мы вместе.

— Я в порядке, — тихо ответил папа, но рук её не выпустил. Он посмотрел на стол. — Что ты выписываешь?

Мама вздохнула и повернула к нему пергамент.

— Я восстанавливаю то, что знаю о Сущности. Основатель писал, что она способна осесть на человеке, обволакивать его невидимой системой корней. Эти корни тянутся к окружающим, меняют их мысли, приглушают сомнения и переписывают намерения. Король для Древа — лишь ствол. Оно само — корни. Их союз был симбиозом: Основатель давал Древу

доступ к миру людей, а оно удерживало его империю в управляемом страхе. Я думаю, она контролирует разум через душу.

Папа нахмурился, вчитываясь в неровные строчки. Его лицо стало суровым, как у того Киллиана, которым он притворялся перед чужаками.

— Когда тело погибает, Сущность уходит в спячку, сворачивается в зерно и ждёт нового «садовника», — продолжала мама, и её пальцы сильнее сжали папину руку. — А пробуждают её Хранители — высшие, разумные демоны, которые следят за равновесием обмена. Из того, что мы знаем... Это похоже на...

— Ещё одного «бога».

— Да.

— Когда я проглотил это... мне показалось, что у Сущности есть разум. Быть может, это человек? Или то, что от него осталось.

— Но зачем ей души детей? Валериус называл их «чистой магией» и «нутром без трещин».

Я замерла посреди пыльной библиотеки, прижав деревянную лошадку к груди. Детские души? Нутро без трещин? Это звучало как самая страшная и злая сказка на свете. Мне вдруг показалось, что прямо под этим полом, глубоко в подвалах этого старого замка, действительно шевелятся огромные чёрные корни, которые хотят дотянуться до меня, потому что у меня внутри нет никаких взрослых «трещин». И я вспомнила, как слышала какого-то монстра под этим самым полом.

— В них больше всего энергии, потому что дети ещё не расколоты страхом, виной или выбором. Видимо, для пробуждения.

— А для чего обряд, сделка, если можно просто послать демонов воровать чужие души?

— Думаю, нужно согласие, чтобы аккуратно извлечь нутро. Дети энергетически связаны с родом, поэтому решение предка равно решению ребенка.

— Думаешь, это всё плохо закончится? — тише спросила мама.

Глаза папы потемнели, став похожими на грозовую тучу. Он резко притянул маму к себе, обнимая её так сильно, будто боялся, что её прямо сейчас утащат эти Хранители. Она уткнулась лицом в его грудь, а он поцеловал её в макушку.

— Я не отдам им этот мир, — глухо, но очень твёрдо произнёс папа, заставив сквозняки в библиотеке утихнуть. — И если понадобится, я выжгу эти корни до самого основания, чего бы мне это ни стоило.

— Мы играем в опасную игру. Этот Бог Смерти... Если их старейшина вправду общается с ним... Вдруг он прикажет Жнецам просто нас убить? Наша ложь...

— Молчи. Я не верю, что мы можем забыть. Интуиция меня редко подводит.

— А что, если... если это Он тогда разлучил нас? Те твари, что уволокли меня во дворец...

— Этого я и опасаясь. Пускай пока Жнецы остаются нашими послушными собачками.

— Тогда тебе следует ограничиться в магии, не выпускать демонов и... вести себя как правитель. Никому не стоит знать, какую силу ты в себе хранишь.

— Хорошо.

Я подошла к ним и тихонько уцепилась за её подол. Мне всё ещё было немножко жутко от маминых записей, но глядя на то, как папа крепко держит маму, защищая её и меня от всего на свете, я чувствовала, что никакое дурацкое дерево нам не страшно. Мой папа самый сильный, и вместе с мамой они обязательно победят любых демонов.

Жизнь в Эллароне закрутилась так быстро, что я едва успевала за ней следить. Наш огромный, разбитый замок постепенно отмывали от вековой пыли, но больше всего изменилась мама. В нашем тихом домике она пекла яблочные пироги, расчёсывала мне волосы и тихонько пела песенки, а здесь вдруг превратилась в настоящую, величественную правитель-

ницу. Поскольку папа всё ещё быстро уставал и иногда подолгу сидел, уставившись в одну точку со своими невидимыми кошмарами или горой книг, она смело взяла всё управление в свои руки.

Мама целыми днями ходила по гулким залам в красивом платье, и суровые Жнецы слушались её беспрекословно. Дядя Каин и старейшина Марек то и дело приходили к ней с какими-то картами. Она лично отправляла отряды Ордена на улицы столицы, чтобы полностью очистить их от монстров. Из окон башни я видела, как Жнецы с открытыми лицами выкуривали из тёмных подвалов и полуразрушенных переулков страшных серых существ. Чудовища визжали и пытались кусаться, но против мечей у них не было ни единого шанса. Очень скоро на улицах Элларона стало совершенно безопасно, и там больше никто не был по ночам.

А потом в город потянулись люди. Они приходили из дальних, разорённых земель — худые, грязные, одетые в рваные лохмотья, и в руках у многих были ржавые топоры, тесаки и вилы. Я подслушала, как мама говорила папе, что эти чужаки стягиваются в столицу за оставшимися ресурсами. Пришлые прослышали, что Эллария безопасна, и явились просто разграбить старые дворцы, утащить всё золото и железо, какое смогут найти, а потом сбежать обратно. Чужаки смотрели на наш замок с дикой завистью и злостью, и первое время мне было очень страшно выходить во двор.

Но родители придумали, как их остановить без всяких клинков.

В один из дней папа велел созвать всех пришлых людей на просторную главную площадь. Чужаки стояли плотной, угрюмой толпой, готовые начать драку в любой момент. Папа вышел к ним удивительно спокойно и объявил, что покажет им то, что называют «технологиями».

А на следующее утро случилось самое невероятное чудо. На окраине города, где из земли торчали длинные металлические полосы — папа называл их рельсами, — Жнецы запустили гигантскую машину. Это было чудовище, собранное из листов стали и больших колёс. Папа назвал его поездом с паровым двигателем. Когда эта штука громко, оглушительно зарычала, выпуская в небо густые клубы белого пара, я от испуга спряталась за мамину юбку. Поезд с жутким грохотом покатился по рельсам, легко утягивая за собой длинные вагоны, доверху нагруженные камнями и брёвнами.

Папа повернулся к замершей толпе чужаков.

— Этот поезд может возить тонны еды, угля и строительных материалов быстрее, чем сотня лошадей. Мы запустим заводы, мы дадим вам тепло, свет и защиту от демонов. Вы можете разграбить эти руины прямо сейчас, утащить обломки и снова голодать. А можете остаться здесь, построить новые дома и стать частью великого Союза. Выбор за вами.

Пришлые смотрели на светящиеся стеклянные шарiki, на ревущего железного коня и на мою красивую маму, которая стояла, ласково улыбаясь им. И прямо на моих глазах произошло настоящее волшебство. Один за другим чужаки начали бросать ржавые топоры и вилы прямо на брусчатку. Стук падающего железа раздавался по всей площади.

Глава 6. Лео

Новый Храм Жнецов, выстроенный прямо в восточном крыле возрождающегося дворца Элларона, совсем не походил на циклопический оплот в Миридане. Здесь залы были просторными, с большими окнами, сквозь которые проникал бледный дневной свет. Но, к сожалению, этот свет не приносил тепла. Огромный тренировочный зал, выложенный гранитными плитами, оставался ледяным. Воздух здесь был пропитан запахом оружейного масла, железа и пота.

Учебный клинок со звоном вылетел из моих пальцев и, проскользив по полу, замер у подножия массивной колонны. Ладони горели так, словно я схватился за раскалённые угли, а в предплечье ударила резкая, ослепительная боль.

— Слабо, Лео. Слишком медленно, — голос Каина прозвучал над головой как треск ломающегося на реке льда.

Я лежал на спине, тяжело и судорожно дыша, уткнувшись взглядом в высокий потолок. Наставник стоял надо мной, даже не запыхавшись.

Я видел, как внутри его груди яростно металась душа. Запертая в глубине тьма рвалась наружу, проявляясь в любом движении и превращая каждый удар в безупречную, сокрушительную атаку. От него во все стороны летели острые иглы.

— Вставай, — сухо приказал Каин, даже не думая подать мне руку. — Враг не будет ждать, пока ты переведёшь дух. Он просто перережет тебе горло.

Я стиснул зубы до скрипа, сглатывая горькую слюну, и поднялся. Колени дрожали от изнеможения. Мне было всего девять лет, но здесь никто не делал скидки на возраст. Для Ордена я был очередным Жнецом, а значит — обязан стать сильнее.

Я подошёл к колонне, поднял меч и снова встал в стойку. Руки налились свинцом, а левый бок нещадно ныл после предыдущего удара.

— Ты полагаешься на зрение, но забываешь слушать Тишину. — Каин медленно пошёл вокруг меня.

Он резко, без предупреждения, выкинул клинок вперёд. Я едва успел выставить блок. Сталь с оглушительным скрежетом встретила со сталью. Сила удара была такой, что меня отбросило на шаг назад, а по предплечьям пробежала судорога.

— Концентрируй Пустоту внутри! — рявкнул наставник, нанося следующий удар справа. — Не позволяй ей расплёскиваться! Сжимай её в кулак!

Я заблокировал этот выпад, но Каин тут же сделал обманное движение, ушёл в сторону и наотмашь ударил меня эфесом меча под дых. Воздух со свистом вырвался из лёгких. Я согнулся пополам, упав на колени и пытаюсь сделать вдох. Из глаз брызнули невольные слёзы.

Каин остановился рядом, холодно глядя на меня сверху вниз. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Чтобы оставаться собой в этом мире и удерживать силу, ты должен быть крепче самого прочного гранита, — тихо, почти шёпотом произнёс он. — Если ты дашь слабину — ты умрёшь. Я не позволю этому случиться. Даже если мне придётся ломать тебя каждый день на этом полу.

Я поднял голову. Каин был жесток, он избивал меня до синяков и заставлял тренироваться до кровавых мозолей, но глубоко внутри его истерзанной души, за всеми этими колющими иглами, прятался страх. Я знал, что он безумно боялся потерять меня.

Я опёрся на меч и, пошатываясь, поднялся во весь рост, а затем вытер рукавом кровь с разбитой губы. Моя грудь ходила ходуном, к горлу подступал ком обиды и усталости, который я больше не мог сдерживать. Перед глазами стояла яркая улыбка Даниэллы, и её рассказы о

мирной жизни, поездах и чистом небе взрывались внутри меня отчаянным протестом. Я всегда всё пропускал.

— Почему? — вырвалось у меня, прежде чем я успел прикусить язык. — Почему я должен торчать здесь целыми днями? Почему я не могу играть, как другие дети? Почему мы не можем просто... просто жить?

Каин вздохнул, медленно повернулся ко мне спиной и отошёл к стойке с оружием, возвращая тренировочный меч на место.

— Другие дети не носят в себе Пустоту, — тихо, но веско произнёс он. — И их души не способны разорвать собственное тело изнутри при малейшей потере контроля. Ты хочешь бегать по улицам и радоваться солнцу? Но стоит тебе на мгновение поддаться гневу, страху или обиде — и твоя изнанка вырвется наружу, стирая в порошок всё, что тебе дорого.

Он резко обернулся, и его карие глаза пригвоздили меня к месту.

— У нас нет права на обычное детство. Наш удел — это контроль. Жёсткий, ежесекундный, ломающий кости. И ты научишься ему.

Я молча опустил голову, сжимая кулаки так, что ногти больно впились в ладони. Каин подошёл ближе, и его рука легла мне на плечо. На этот раз в его прикосновении не было жестокости.

— Такова суть нашего бремени, — глухо продолжал наставник. — Мы должны подчинить этот холод до того, как он подчинит нас. Ты должен понимать, кто мы такие.

Он сглотнул, и его пальцы на плече сжались чуть сильнее.

— Бог Смерти сжалился над нами. Если ты не научишься управлять своей Пустотой, ты станешь монстром.

Каин отпустил моё плечо и коротко бросил:

— На сегодня свободен. Иди к себе.

Я почти полз по длинным переходам, стараясь держаться ближе к стенам. Мышцы нещадно ныли от боли, под курткой на рёбрах уже наливался огромный синяк, а разбитая губа неприятно онемела. Но сильнее всего болели глаза. По пути я то и дело натёкался взглядом на проходящих мимо воинов Ордена. Они казались обычными суровыми мужчинами и женщинами, но я-то знал правду. Видел, как глубоко в их груди колыхаются чёрные, голодные дыры.

Мне нужно было сбежать. Туда, где этой тьмы не было.

Я толкнул тяжёлую дубовую дверь и оказался в старом королевском саду. Это было место, куда не добрался запах оружейного масла и холод Храма. Жнецы сюда не заходили. Здесь, среди обломков беломраморных статуй и расколотых фонтанов, природа медленно возвращала своё. Сквозь землю пробивалась упрямая зелёная трава, а на кустах дикой розы распускались нежные бутоны.

Я быстрым шагом прошёл вглубь, стремясь уйти как можно дальше от поступи патрулей. Ноги привели меня к небольшому декоративному озерцу. Вода в нём, наверное, когда-то была прозрачной, но теперь подёрнулась зеленоватой тиной, а на дне угадывались обломки старых мраморных чаш. Я скользнул под низко опущенные, густые ветви старой плакучей ивы. Её длинные побеги свисали до самой земли, создавая идеальный, надёжный шалаш, скрывающий меня от всего внешнего мира.

Я обессиленно опустился прямо на поросший мхом прибрежный камень. Горькие слёзы слабости, которые я так долго сдерживал перед наставником, всё-таки брызнули, и я сердито размазал их кулаком по щекам. Каин прав: я слишком слаб.

— Лео? Ты чего здесь прячешься?

Я вздрогнул. Зелёный занавес из ивовых ветвей раздвинулся, и внутрь моего убежища заглянула Даниэлла. Ей уже исполнилось семь, она заметно подросла. Её тёмные волосы были

растрёпаны, чёлка взъерошена, а на носу красовалось пятнышко сажи — наверное, опять лазила где-то на окраине площади, где рабочие возились с механизмами.

И стоило ей переступить границу ветвей, как её дымка озарила всё пространство под ивой. Золотистое сияние коснулось меня, и удушающий холод в моей груди мгновенно отступил.

Она подбежала ближе и всплеснула руками, разглядывая моё лицо.

— Опять! Дядя Каин сошёл с ума! Зачем он тебя так сильно бьёт? У тебя всё лицо в крови!

Даниэлла сердито надула губы, достала из кармана платья чистый платок и, присев рядом на корточки, принялась осторожно вытирать мне подбородок. Она не видела чужие дымки, не знала про Пустоту и Смерть, которые ежесекундно стояли перед глазами в Храме. Для неё мир вокруг был простой и понятной сказкой, которую её папа и мама прямо сейчас поднимали из руин. Она верила в будущее и в то, что скоро всё будет хорошо.

— Всё нормально, — тихо сказал я, боясь шелохнуться, чтобы не спугнуть это удивительное ощущение покоя. — Он просто учит меня защищаться.

— Защищаться нужно от врагов, — буркнула она, бережно прикасаясь пальчиком к моей щеке. — Потерпи немного. Мама сегодня велела поварам приготовить сладкий ягодный пирог. Я обязательно утащу для тебя самый большой кусок. Мы съедем его на крыше башни, ладно? Я посмотрел в её ясные, весёлые глаза и робко улыбнулся.

Я не помнил, как дошёл до комнаты в дальнем конце коридора. Слова наставника набатом стучали в ушах. Я закрыл за собой тяжёлую дверь, задвинул засов и обессиленно прислонился к стене. В комнате царил полумрак, нарушаемый лишь блёклым лучом света из узкого окна.

На стене висело старое, треснувшее зеркало в потемневшей бронзовой раме. Появившись, я медленно подошёл к нему и остановился. Из зазеркалья на меня, как и всегда, смотрел двойной мир, от которого мне некуда было спрятаться. С одной стороны — обычный мальчик с растрёпанными светлыми волосами и разбитой губой. С другой — моя вечная, неотвязная дыра в груди.

Моё собственное тело, как и у всех Жнецов, было окутано густой, чернильной тьмой. Я видел её каждую секунду своего существования, но сейчас я заставил себя взглядеться глубже, прямо в самое сердце этой тьмы. Взглядеться так пристально, что едва не забыл, как дышать.

Моя душа оставалась тёмной, да. Но она была другой.

У наставника и остальных Жнецов в Храме, сколько бы я на них ни смотрел, внутри всегда зияли рваные, мёртвые «чёрные дыры». Они веяли абсолютным холодом и только поглощали свет. Моя же тьма не была мёртвой. Она лениво перекачивалась — мягкая, пластичная, словно живые сумерки перед доброй ночью. В ней не было того жгучего, леденящего голода. Моя Пустота была пронизана едва уловимыми искорками, похожими на ночные звёзды.

Я моргнул, но навязчивая картинка никуда не исчезла — сумерки в моей груди продолжали мерцать в отражении, а сердце бешено колотилось.

Я отвернулся от зеркала, борясь с головокружением, и сел на кровать, подтягивая колени к подбородку. Страх, который душил меня в Храме, постепенно таял, уступая место согревающей надежде. Пусть наставник ломает меня на тренировках, пусть весь Орден тонет в своей Тишине — моя тьма была другой. И я обязательно научусь её контролировать, чтобы доказать: мы можем не просто сдерживать монстра внутри. Мы можем жить.

Глава 7. Даниэлла

Мама теперь пропадала в городе с утра до позднего вечера. Вместе с папой они строили новые кварталы, запускали грохочущие заводы и принимали сотни беженцев, каждый день прибывавших в Элларон. Она была настоящим сердцем этого места, но из-за этого у неё совсем не оставалось времени, чтобы плести мне косички и слушать мои истории.

Поэтому за мной стала присматривать тётя Эвелин.

Она мне безумно нравилась. Тётя была не такой, как хмурые Жнецы, и совсем не походила на вечно занятых родителей. Она пахла сушёной лавандой, речным туманом и старыми книгами.

Иногда она брала меня с собой в городской лазарет. Это было огромное, светлое здание, где тётя подолгу задерживалась, терпеливо обучая целителей и лекарей тонкостям врачевания. Эту просторную, пахнущую сушёными травами и чистыми бинтами лечебницу открыл папа, и она была доступна абсолютно всем: от высокородных господ до самых бедных, добравшихся в город ни с чем.

Пока тётя тихо и плавно двигалась между рядами коек, объясняя правила ухода за тяжёлыми больными, я сидела в сторонке на высоком деревянном стуле. Я заворожённо наблюдала, как её прохладные, бледные ладони возвращают людям покой, а суровые врачи ловили каждое слово и судорожно записывали советы в толстые тетради. Тётя никогда не повышала голоса, но в этих палатах её слушали, затаив дыхание.

А иногда мы приходили в ротонду на самом краю королевского сада, откуда открывался вид на блестящее декоративное озеро и плачущую иву, под которой мы любили прятаться с Лео.

В тот день на небе не было ни облачка, но мне всё равно было немного скучно. Я сидела на каменной скамейке, болтая ногами, и наблюдала, как два Жнеца из патруля медленно идут по дальней аллее.

— Дядя Каин опять кричал на Лео, — вздохнула я, подперев кулачками подбородок. — От него сегодня так сильно пахло горелой полынью и тухлым болотом. Аж в носу закололо, когда он мимо прошёл.

Тётя Эвелин, которая до этого спокойно перебирала стебли каких-то целебных трав, вдруг замерла. Её тонкие пальцы застыли над корзиной. Она медленно повернула ко мне голову, и её мягкие, внимательные глаза уставились на меня с каким-то странным, глубоким интересом.

— Горелой полынью? — тихо переспросила она, придвигаясь ко мне ближе. — А чем ещё пахнут люди? Ну-ка, расскажи мне.

Я пожалала плечами, удивляясь, почему она спрашивает о таких очевидных вещах. Ведь все вокруг пахли!

— Ну... когда папа обнимает маму, от него всегда пахнет грозovým озоном и свежим, тёплым хлебом. Это радость, я знаю. А когда мама волнуется за него по ночам, от неё пахнет дождём и мокрой сиренью — это грусть. А вот те грязные люди, которые приходят из лесов в наш город, пахнут кислым, липким страхом. Как прокисшее молоко. Это очень неприятный запах, мне от него сразу хочется спрятаться.

На губах тёти Эвелин появилась загадочная улыбка. Она бережно взяла мои ладошки в свои. Её руки были удивительно тёплыми.

— Даниэлла, послушай меня внимательно, — негромко произнесла она, наклонившись к моему уху. — То, что ты чувствуешь, — это не просто запахи. Ты чувствуешь природу, ауру и чужие души. Обычные люди этого не умеют.

— Не умеют? — Я удивлённо округлила глаза. — Но это же так просто!

— Нет, моя хорошая. Это редкий и очень сильный дар. — Тётя Эвелин ласково погладила меня по волосам. — В тебе течёт древняя, чистая сила. Ты такая же, как и я.

У меня даже дух захватило.

— Твои папа и мама сейчас очень заняты, они пытаются починить сломанный мир снаружи, — продолжала тётя, и её голос стал заговорщическим, будто она открывала мне самую главную тайну замка. — Но мир внутри людей гораздо важнее. Хочешь, я научу тебя понимать твою силу? Научу, как правильно слушать чужие души, как благословлять то, что живо, и как проклинать то, что пытается принести нам зло?

— Хочу! — Я сразу же закивала. — Надо научить дядю Каина пахнуть чем-нибудь сладким, чтобы он был добрее!

Тётя Эвелин тихонько рассмеялась, но тут же приложила палец к губам.

— Ш-ш-ш. Только это будет наш с тобой секрет, договорились? Папе и маме пока говорить не нужно — у них и так слишком много забот.

С этого дня наши посиделки в беседке превратились в настоящие уроки. Тётя учила меня закрывать глаза и слушать, как дышит трава под нашими ногами, как перекачивается вода в озерце и как далеко на площади бьются сердца сотен людей. Она объясняла мне азы магии, и я чувствовала, как глубоко внутри просыпается что-то новое, сильное и очень упрямое.

Тётя Эвелин не заставляла меня запоминать длинные заклинания или махать деревянной палочкой, как было в моих книжках. Наоборот, наши уроки всегда начинались в полной тишине. Мы сидели в беседке, и она мягко опускала ладони мне на плечи.

— Ведьмы не копят силу, — тихо объясняла она, пока тёплый ветер шевелил листья ивы у озерца. — Наша магия — снаружи. Мир вокруг нас наполнен ей: она разлита в воздухе, в шуме воды, в росте травы и в дыхании людей. Ведьма — это просто проводник. Мы берём эту силу изголодавшегося мира, пропускаем через себя и направляем туда, где она нужнее всего. Или туда, где хотим что-то разрушить.

— А теперь закрой глаза, забудь про нос и запахи. Дыши ровно. Попробуй нащупать то, что находится между тобой и мной. Между тобой и вон тем кустом роз.

Я послушно закрыла глаза. Сначала было трудно, в голове крутились мысли о недоеденном обеде и о том, где сейчас Лео, но ладони тёти на моих плечах приятно согревали, и я заставила себя замереть. И вдруг... мир вокруг меня перестал быть просто темнотой за закрытыми веками.

Я почувствовала, что воздух вокруг нас совсем не пустой. Он был густым, как прозрачный кисель, и весь переливался множеством невидимых, зыбких сгустков. Прямо от меня к тёте Эвелин мягко струилось ровное, спокойное тепло, соединяя наши ауры. Другие потоки магии, более тёмные и плотные, уходили глубоко в землю под беседкой — там ворочалось что-то массивное, вековое. А со стороны города, где были родители, пульсировало колоссальное, живое облако из тысяч сливающихся и дёргающихся энергетических огней. Это были души людей.

— Ого... — выдохнула я, боясь пошевелиться. — Эта магия... она везде.

— Правильно, — одобрительно прошептала тётя Эвелин. — А теперь попробуй направить своё внимание на ту угасающую искру, что теплится в увядающем розовом кусте у входа. Сконцентрируйся на нём. Возьми немного тепла из воздуха вокруг нас, из солнечного луча, который греет твои щёки, и аккуратно перелей этот сгусток силы прямо туда. Поделись энергией мира, чтобы укрепить чужую суть.

Я сосредоточилась. Почувствовать куст оказалось легко — его собственное свечение было блёклым, сжимающимся и будто бы иссыхающим. Я представила, как солнечное тепло, разлитое на моей коже, медленно собирается в ладонях, превращаясь в послушную живую волну, и мягко подтолкнула её вперёд. Моя магия плавно влилась в угасающую ауру растения.

Это было похоже на то, как сухая, растрескавшаяся земля жадно впитывает долгожданную каплю воды.

— Открывай глаза, Дани.

Я распахнула веки и ахнула. Пожухлые, опустившиеся листья на кусте распрямились, налившись живой, сочной зеленью, а бутон, который ещё утром казался совсем мёртвым и сухим, приоткрылся, показывая нежно-розовый край лепестков.

— Вот видишь, — тётя Эвелин улыбнулась, убирая ладони с моих плеч. — Ты укрепила его, забрав тепло у солнца. Точно так же ты сможешь помогать людям, когда они страдают от слабости или болезней. Но помни: если ведьма рассердится, она может сделать наоборот. Напрячь дар, расшатать чужую душу колебаниями магии, напрочь выпить из неё остатки сил. Это опасное оружие. Поэтому мы должны быть очень осторожными. Ведьмы не должны вредить.

Я смотрела на ожившую розу, и внутри меня разливалось удивительное, ни на что не похожее чувство. Если весь мир вокруг был наполнен этой податливой, живой магией, значит, я смогу научиться управлять ей так, чтобы защитить маму, папу и Лео. И никакая темнота не сможет пробиться к нам, пока я умею направлять на них защитные сгустки тепла самого солнца.

Каждый раз с тётей Эвелин я узнавала что-то новое, но уроки прервались так внезапно, что я даже испугаться не успела. Она как раз показывала мне, как поймать совсем слабую, едва заметную ниточку ветра, чтобы заставить закружиться опавший лист. Я так увлеклась, что не слышала шагов.

— Что здесь происходит? — голос мамы прозвучал не просто громко, он ударил по ушам, словно раскат грома среди ясного неба.

Я вздрогнула и открыла глаза, а листок упал обратно на брусчатку. Мама стояла у входа в ротонду. Её платье было запылено после целого дня в городе, но лицо казалось бледнее обычного, а в глазах застыл такой дикий страх, какого я у неё никогда не видела. Мама смотрела на наши с тётей Эвелин руки.

— Виолетта... — тётя медленно поднялась со скамьи, закрывая меня собой. — Мы просто разговаривали.

— Не смей мне лгать! — Мама сделала шаг вперёд, и её тон сорвался на дрожащий злой шёпот. — Даниэлла, немедленно иди в свои покои. Живо!

Я испуганно переглянулась с тётей Эвелин, но послушаться мамы не посмела. Подхватив куклу, я пулей выскочила из беседки и побежала в сторону дворцового крыла. Но уходить совсем далеко мне не хотелось. Любопытство оказалось сильнее: я юркнула под густые ветви ивы и замерла, наострив уши.

— Как ты могла, Эвелин?! — Голос мамы дрожал от сдерживаемых слёз. — Ей всего семь лет! Зачем ты лезешь к ней с этой проклятой магией? Я хочу для своей дочери нормальной, спокойной жизни. Без ведьмовских уз, без проклятий, без этого вечного ужаса! Она должна вырасти обычной девочкой.

— Обычной? — горько и как-то снисходительно переспросила тётя Эвелин. — Кого ты пытаешься обмануть? Твоя дочь — ведьма от рождения. В её жилах течёт та же сила, что и в твоих. Ты не сможешь запереть её природу в сундук и сделать вид, что её нет.

— Смогу! — отрезала мама, и я услышала, как она нервно зашагала по беседке. — И запрю. Даже Киллиан... даже он не знает, кто мы на самом деле. Я храню эту тайну годами, чтобы защитить свою семью!

— И это твоя главная глупость, — ответила тётя холодно и резко. — Скрывать такое от собственного возлюбленного? Ты беспечна, Виолетта! Оглянись вокруг. Мир лежит в руинах, Одержимые едва отступили, а Жнецы каждый день борются с голодом Смерти. В таких

условиях отказываться от магии души, не хотеть пользоваться своим величайшим даром ради призрачного «покоя» — это абсолютное безумие!

— Я защищаю своего ребёнка! — крикнула мама.

— Ты лишаешь её оружия! — не отступала тётя Эвелин. — Даниэлла должна уметь постоять за себя, если тьма вернётся. Она имеет право знать, на что способна. Она должна выбрать всё сама, а не жить в твоей трусливой иллюзии.

Я обняла колени, а моё сердце бешено колотилось. Оказывается, у мамы был секрет. Большой, пугающий секрет, который она прятала даже от папы.

Через минуту я слышала быстрые, удаляющиеся шаги мамы, а после — тихий вздох тёти. И тогда я юркнула в сторону дворца, а затем — в свои покои.

К вечеру, заскучав и не сумев выловить Лео, я пробралась к отцу. В спальне, освещённой мягким, тёплым светом ламп, было тихо. Папа сидел за массивным дубовым столом, заваленным чертежами новых локомотивов и отчётами о поставках угля. Под его глазами залегли глубокие тени от усталости. Он так много сил отдавал этому городу, что порой забывал дышать в полную грудь.

Мама тихо зашла в комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Её платье шуршало по паркету, но шаги были нерешительными. Она подошла к столу и мягко положила ладони ему на плечи, заставляя его оторваться от бумаг.

— Ноа... нам нужно поговорить, — тихо произнесла она, покосившись на меня. Её голос чуть дрожал, и я, сидевшая на ковре у кровати с книжкой, невольно замерла, прислушиваясь. После дневной ссоры в саду в воздухе до сих пор пахло мокрой сиренью и близкой грозой.

Папа откинулся на спинку стула, накрыв её ладонь своей. Его измученное лицо тут же смягчилось.

— Что случилось? Опять проблемы с расселением в южном квартале?

— Нет, дело не в городе. — Мама глубоко вздохнула, собираясь с духом, и обошла стол, встав прямо перед ним. — Дело во мне. И в Даниэлле. Я должна попросить у тебя прощения. За то, что молчала все эти годы. За то, что скрывала от тебя... часть себя.

Папа удивлённо приподнял брови, внимательно вглядываясь в её побледневшее лицо.

— О чём ты говоришь?

— Мы с Даниэлой — ведьмы, — выдохнула мама, и это слово, казалось, зависло между ними.

Папа замер. На мгновение его глаза расширились от абсолютного, искреннего изумления. Он — видящий чужие души, изучающий сложную магию, могущественный, на мой взгляд, колдун — сидел и просто смотрел на свою жену, не веря собственным ушам.

— Ведьмы? — переспросил он с растерянностью. — Но... как? Эвелин фонит своей энергией так, что у меня порой виски давит. Но от тебя... от тебя никогда не исходило ни капли... — он запнулся, словно вспоминая что-то.

Мама грустно, но с затаённой гордостью улыбнулась. Она опустила взгляд на свои тонкие пальцы.

— Потому что моя мама, Розмари, научила меня прятаться, — тихо объяснила она. — И она знала, как опасен этот дар, если показать его миру.

Папа медленно поднялся со стула, подошёл к ней и бережно взял её за руки. В его глазах изумление постепенно сменялось глубоким пониманием и бесконечной нежностью.

— Зачем? Это ведь так много объясняет... Ты боишься меня?

— Нет, я боюсь не тебя, — мама прижалась лбом к его груди, впитывая его успокаивающий запах грозового озона. — Я не хочу для неё этой участи. Я видела, как магия ломает жизни, и желаю ей нормального будущего. И для себя... я планирую заниматься политикой. Хочу строить Союз, помогать людям законами, ресурсами, технологиями. Мне ближе роль правительницы, твоей опоры в реальном мире, а не ведьмы из подземелий.

Папа обнял её. Его плечи наконец-то расслабились, а из груди вырвался тихий, облегчённый вздох.

— Ты понимаешь, что это значит?.. — прошептал он, крепче сжимая её в объятиях. — Именно ты зажгла во мне душу. Тогда... когда мы были ещё совсем детьми.

Я прижала книжку к груди, поймав на себе тёплый взгляд папы, и улыбнулась. Ну вот, секрета больше нет, может, мне позволят продолжить занятия? Ведь папа и сам постоянно изучает магию.

Но после той страшной ссоры тётя Эвелин больше не приходила ко мне в сад. Мама окружила меня тройной заботой, лично проверяла, чем я занимаюсь, и почти не оставляла одну. Но запретить то, что уже проснулось, было невозможно. Каждое утро, просыпаясь в своей постели, я первым делом видела не солнечные лучи на обоях, а ощущала то, что опутывало мою комнату. Помня советы тёти Эвелин, я научилась быть хитрой. Я тренировала своё восприятие скрытно, прямо под носом у мамы. А ещё поняла, что мама также иногда направляет магию в меня, видимо, чтобы я не могла пользоваться даром. И я старалась делать так, чтобы она не дотянулась.

Когда мы сидели в парадном зале и мама проверяла отчёты, я делала вид, что увлечённо рисую в альбоме. На самом деле я закрывала глаза, дышала ровно и медленно, пропуская сквозь себя магию старого замка. Я училась дотягиваться вниманием до самых дальних уголков Элларона. Я находила души поваров на кухне — те всегда вибрировали сытным, суетливым теплом, нащупывала сонные, ленивые ауры кошек в подвалах и училась не пугаться тяжёлой, закованной в чёрную паутину сути Жнецов, карауливших у ворот.

В один из таких дней мама ненадолго ушла на Совет, оставив меня в покоях. Я устроилась на широком подоконнике, прижавшись лбом к прохладному стеклу. Погода портилась, небо затянуло тучами, и во дворе было непривычно пусто.

Я расслабилась и раскинула ведьмовское восприятие далеко за пределы комнаты. Моё внимание скользило по каменным стенам, спускалось по лестницам, уходило вглубь восточного крыла... И вдруг я наткнулась на что-то совершенно невероятное.

Там, где располагался гранитный зал Храма, билась какая-то измученная душа. Я потянулась к ней, ведомая чистым любопытством, и едва не вскрикнула от неожиданности.

Это был Лео.

Он находился очень далеко, за толстым камнем, но его нутро отозвалось на моё робкое прикосновение так громко, словно он стоял прямо передо мной. Оно было похоже на ледяные звёздные сумерки. Моё восприятие захлестнула волна жгучей, ослепляющей боли. Дядя Каин снова устроил ему жестокую проверку? Я отчётливо ощутила, как каждая мышца в его теле горит от изнеможения, как болят отбитые рёбра, а к горлу подступает обида. Его душа металась и кололась острыми льдинками, изнывая от усталости и глухого, давящего страха не справиться, подвести, потерять контроль.

Мне стало так жаль его... «Лео...» — мысленно позвала я, даже не зная, услышит ли он, и аккуратно, едва ощутимо коснулась его израненного нутра своей магией.

И в то же мгновение его душа удивлённо распахнулась, встрепенувшись от неожиданного тепла. Я лишь на мгновение задела его суть, но он будто бы безошибочно почувствовал, что кто-то её тронул. До меня долетело его ответное чувство — безграничное, чистое удивление.

Я открыла глаза и тяжело задышала, чувствуя, как по щекам катятся слезинки. Руки немного дрожали. Мама может запрещать мне магию сколько угодно, но я никогда не брошу Лео. Он мой друг. Я буду тренироваться каждый день, вопреки всему, чтобы когда ему больно, я могла дать ему знать, что он не один.

Глава 8. Лео

Тренировочный зал гудел от хлёстких ударов и шарканья подошв по граниту. Моим сегодняшним противником был мальчишка на пару лет старше — жилистый, крепкий, с уже начинавшим грубеть лицом. В его руках затупленный палаш ходил ровно, без промахов.

Мы кружили, обмениваясь короткими, сухими выпадами. Железо глухо сталкивалось, выбивая из суставов пальцев мелкую, нудную дрожь.

Но я почти не смотрел на его оружие. Я видел, как в груди этого парня лениво ворочается рваная чёрная воронка. Пустота стягивала к себе остатки тепла из воздуха, заставляя его дышать с хрипом, а движения становились рваными и злыми. Я ловил ритм этого водоворота, заранее зная, куда он ударит в следующий миг. Остриё его палаша свистнуло у моего левого уха, но я уже ушёл в сторону, легко скользнув взглядом куда-то сквозь его плечо, чтобы не заболели глаза.

— Да не смотри ты сквозь меня, недоносок! — зло сплюнул парень, утирая пот со лба и снова вскидывая оружие. — В лицо смотри! Или на клинок!

Я промолчал.

И вдруг по залу пронёсся едва уловимый, но до боли знакомый импульс. Воздух у входа на секунду сделался плотным, пахнущим грозovým озоном. Дымка моего соперника испуганно натянулась, резонируя с кем-то куда более сильным.

Над тренировочной площадкой, у перил верхнего яруса, стоял Киллиан. Звать «дядей» я его уже не мог, он занимал почётное место в Совете.

Отец Даниэллы был в простой тёмной куртке, но его присутствие мгновенно подчинило себе всё пространство зала. Он наблюдал за мной, опершись на перила, и слегка подался вперёд, а я почувствовал, как этот тяжёлый, немигающий взгляд буквально прижимает меня к полу.

Я замер на долю секунды, пропустив из-за этого лёгкий тычок палашом в плечо. Железо больно мазнуло, но я даже не поморщился. Я кожей ощущал, как Киллиан провожает взглядом каждое моё движение. Он видел, что я не просто уклоняюсь от ударов? Видел, как мой взор раз за разом проваливается куда-то вглубь, за пределы человеческой плоти? Только не это.

Спарринг закончился быстро. Оставшееся время тренировки я провёл как в тумане, то и дело натываясь на глухие блоки соперника. Киллиан ушёл с галереи так же бесшумно, как и появился, но ощущение его пронизательного взгляда всё ещё жгло между лопаток.

Когда остальные покинули зал, шумно переговариваясь и унося тренировочное оружие, у дверей вырос один из Жнецов гарнизона.

— Лео, зайди в малый кабинет западного крыла, — коротко бросил он.

Я сглотнул вязкую слюну, вытер ладони о штаны и молча кивнул. Сердце заколотилось с удвоенной силой. Киллиан — единственный, кто понимает истинную суть всего. Если он заметил мою странность, отпираться будет бесполезно.

Кабинет встретил меня полумраком и тихим, мерным тиканьем напольных часов. На рабочем столе горела одинокая лампа, выхватывая аккуратные стопки чертежей и документов. Мужчина стоял у высокого окна, заложив руки за спину. Сквозь его человеческую оболочку я, как и всегда, отчётливо видел колоссальное скопление янтарной силы.

— Садись, — не оборачиваясь, тихо произнёс он.

Я не сел. Я остановился в паре шагов от стола, выпрямив спину, как учил Каин.

— Вы хотели видеть меня?

Киллиан медленно повернулся. Он слегка прищурился, разглядывая меня, точно пытался разгадать сложную, не поддающуюся логике загадку. На его лице на миг отразилось чистое человеческое замешательство. Вот и всё...

— Я наблюдал за тобой сегодня, — он подошёл ближе, и шлейф грозового озона стал гуще. — Жнецы бьются яростно, они опираются на Пустоту и отточенные рефлексy. Но ты... ты двигался иначе. Ты уклонялся от ударов до того, как твой противник успевал замахнуться. И твои глаза... Ты смотрел сквозь его грудь.

Я замер, боясь выдать себя даже вздохом.

— Скажи мне правду, — мягко, но не терпящим возражений тоном попросил он, заглядывая мне прямо в лицо. — Что именно ты видишь, когда смотришь на людей?

Скрывать это дальше перед человеком, который хочет фактически переписать природу Жнецов, было глупо. Я крепче сжал кулаки, заставив себя не отводить взгляд.

— Я вижу... Я вижу рваные чёрные дыры в груди у Жнецов и сияние у людей. И дымку. Везде.

Мы оба замерли, и стало слышно, как за окном крупные капли дождя разбиваются о каменный карниз.

Киллиан резко подался вперёд, заметно напрягшись. Он шумно выдохнул, и лицо его на мгновение стало совсем бледным.

— Ты видишь души и ауры?.. — спросил он с подлинным потрясением и опустился на край стола, не сводя с меня ошеломлённого взгляда. — Но почему?..

Мужчина замолчал, словно примеряя мои слова к чему-то, что давно не давало ему покоя, и шумно сглотнул. Ауры... Так вот как это называется.

— Погоди. Ты понял, что именно носишь в себе?

— Да. Я видел, — тихо ответил я, робко кивнув. — Мама говорит, что мы демоны, спасённые Богом Смерти. Но моя... Душа... Она другая.

Киллиан слушал меня, и его привычная строгость окончательно сползла, уступая место благоговейному удивлению. Он медленно выпрямился и сделал два шага ко мне.

— Позволь мне взглянуть, — негромко произнёс он, и в его руке, протянутой ко мне, слабо заструился янтарный туман. — Не бойся.

Я заставил себя стоять смирно, хотя подсознательный страх перед ним вынудил меня сжаться. Киллиан не стал грубо пробивать мою душу. Он действовал невероятно тонко: коснулся моей груди лишь кончиками пальцев.

Глубоко внутри я почувствовал, как слой за слоем раздвигается чернильная тьма Пустоты.

Я уловил, как отец Даниэллы замер, его дыхание перехватило, а в янтарном сиянии проскочила дикая, хаотичная искра. Он отдёргнул руку, и янтарный туман мгновенно растаял в воздухе.

— Ты не полноценный Жнец... — шёпотом, почти лишившись голоса, произнёс он. — Твоя душа... не перевёрнута. Это скрывает Пустота.

— Не перевёрнута? — непонимающе спросил я.

Киллиан лихорадочно заходил по кабинету, сжимая и разжимая кулаки. На его лбу прорезалась глубокая складка.

— Никто не должен об этом знать. — Он резко остановился передо мной и положил руку мне на плечо, заглядывая в глаза с суровой, взрослой серьёзностью. — Жнецы видят мир только через призму долга. Пообещай. Я научу тебя, как с этим совладать.

— О... обещаю? — неуверенно ответил я, не понимая, что всё это значит.

Киллиан глубоко вздохнул, и на его лицо вернулась прежняя уверенность, замешанная на каком-то отчаянном, упрямом вдохновении.

Глава 9. Даниэлла

Дворцовые подземелья пахли старым сырым камнем, многолетней пылью и тем горьким, ржавым холодком, который всегда остаётся в заброшенных местах. Но меня этот мрак не пугал. Мне исполнилось восемь, Лео — десять, и за последний год мы научились проскальзывать мимо бдительных стражей быстрее, чем те успевали повернуться на шорох.

— Лео, ну не отставай! — заговорщически прошептала я, крепко сжимая его ладонь и увлекая за собой в темноту расколотого коридора.

Эти ярусы дворца считались закрытой зоной. Рабочие папы здесь ещё не зачистили завалы, и Жнецы редко спускались так глубоко — здесь не было живых людей, которых нужно было защищать. Повсюду под ногами хрустела каменная крошка, со стен свисали ключья засохшего серого мха, а факел, который мы стащили из караулки, едва разгонял плотную тьму.

Лео шёл чуть позади, настороженно оглядываясь. Я не видела его глаз в темноте, но чувствовала, как прерывисто он дышит и как напряжена его рука. Но для меня этот поход был простой игрой. Было дико любопытно посмотреть, что спрятано в этих подвалах! Вдруг королевские сокровища?

— Дани, стой, — тихо, но твёрдо остановил меня мальчик, чуть потянув за руку обратно. — Дальше нельзя.

Я послушно замерла у края глубокой трещины в полу — любопытство лишь заставило меня вытянуть шею.

— Ну почему нельзя? — прошептала я, оборачиваясь к Лео. Я крепче сжала его холодные пальцы, пытаюсь согреть их. — Здесь так здорово! И главное, тут никто не ходит. Ни мама со своими вечными проверками, ни твой «суровый» Каин. Здесь мы наконец-то совсем одни и можем играть во что захотим.

Лео робко улыбнулся, покрепче перехватывая мою ладонь. Здесь, среди забытых руин, можно было просто быть детьми и не притворяться перед взрослыми.

Мы осторожно двинулись дальше, огибая завалы из битого кирпича. Наш факел бросал длинные, пугающие тени на потрескавшиеся стены. Переход заканчивался тупиком — старой железной дверью, сорванной с одной петли.

— Гляди, может, сокровища там? — Я радостно сделала шаг вперёд, но договорить не успела.

Из глубокой ниши у двери, заваленной обломками гранита, раздался жуткий хруст. Будто кто-то с силой ломал старые, сухие ветки.

Серая груда камней внезапно пришла в движение. Это был Одержимый — один из тех монстров, кто забрёл сюда во время войны и заснул на долгие годы, впад в оцепенение. Монстр медленно поднимался на уродливо вывернутых ногах. Его кожа походила на высохшую кору дерева, из спины торчали наросты, а вместо лица зияла страшная пасть.

Тварь резко вскинула голову, издала глухой, kloкочущий рык и с пугающей скоростью ринулась прямо на меня, выставляя длинные когти.

Дыхание перехватило, а ноги словно приросли к каменным плитам. Сердце испуганным воробышком забило в самом горле, в мгновение стирая мысли и об играх, и о сокровищах. Я успела только зажмуриться и закрыться руками, бросив факел.

— Назад! — дикий крик Лео эхом полетел по подземелью.

Я распахнула глаза и замерла от шока. Перед лицом опасности в руке мальчика вдруг сгустился сам мрак подземелья. Чернильная тьма вокруг него с треском лопнула, и прямо из этого холодного тумана в его ладонь скользнуло оружие. Это был меч — длинный клинок, сотканный из самой темноты.

Мама и тётя Эвелин часто говорили про Пустоту у Жнецов, Лео часто показывал мне зверюшек, но я никогда не думала, что её высвобождение может быть таким. Ледяной воздух разом опустошил мои лёгкие, а зубы мгновенно застучали от нахлынувшего могильного холода. Моё собственное тепло испуганно забилося глубоко внутри, а в ушах дико, оглушительно зазвенело. Эта тёмная магия казалась слишком огромной для десятилетнего мальчика. Она веяла чистой смертью, и от неё полыхнуло таким спокойствием, что Одержимый на секунду опешил.

Лео стремительно прыгнул вперёд, закрывая меня собой. В ту же секунду прямо из клубящейся вокруг него тьмы вырвался призрачный, антрацитово-чёрный силуэт — его точная копия. Этот безмолвный двойник коршуном бросился наперерез Одержимому и с неестественной силой схватил тварь, намертво блокируя её движения. Чудовище дико задёргалось в тисках тени, лишаясь возможности атаковать, и в это самое мгновение Лео сделал шаг и наотмашь рубанул мечом.

Клинок прошёл сквозь плоть абсолютно бесшумно, но Одержимый издал захлёбывающийся, удушливый свист. Его тело мгновенно обмякло, потеряло всю силу и с грохотом рухнуло на каменные плиты, залив их тёмной кровью.

Наш факел слабо чадил на полу, выхватывая из темноты Лео. Его плечи тяжело вздымались, а меч в руке плавно растаял в воздухе, исчезая без следа. Он повернулся ко мне: лицо было бледным, а губы подрагивали.

Я смотрела на него, судорожно хватая ртом воздух. Холод, ударивший по моему восприятию, отступал. Я знала про Пустоту, но увидеть, как мой лучший друг призывает её, создаёт из мрака собственного призрака для захвата и сам стирает монстра в порошок... это было невероятно. И очень страшно.

Мальчик сделал неуверенный шаг навстречу.

— Дани... — его голос сорвался на едва слышный шёпот. — Прости. Извини, что напугал тебя. Я не хотел.

Этот его жалобный голосок мгновенно растопил остатки моего ужаса. Я сделала шаг вперёд и крепко, изо всех сил обняла его за шею, утыкаясь носом в плечо.

— Глупый, — прошептала я, чувствуя, как его до сих пор бьёт крупная дрожь. — Ты спас меня. Если бы не этот твой меч, она бы меня укусила.

Лео прерывисто выдохнул и обмяк в моих руках, а давящая аура Пустоты окончательно успокоилась, засыпая под моим встречным теплом. Эта тьма больше не казалась чужой. Она была частью Лео. А значит, я обязана была её принять. И раз уж мы остались наедине среди этой магии, скрывать собственную тайну больше не имело смысла. Самое время сказать ему правду.

Я чуть отстранилась, но рук с его плеч не убрала, заглядывая прямо в потемневшие глаза:

— Лео... мне совсем не страшно. И на самом деле... я ведьма. Тётя Эвелин тайно учит меня чувствовать чужие души, ауру и магию. И я не боюсь. Давай хранить ещё один секрет? — выпалила я на одном дыхании.

Лео удивлённо распахнул глаза, замерев от моих слов. Я нервно прикусила губу, горло перехватило спазмом, а сердце испуганно застучало прямо в ушах. Теперь, когда тайна наконец сорвалась с языка, мне вдруг стало очень страшно. А вдруг он посмотрит на меня иначе?

Я всё же отпустила мальчика и подняла факел, пока он не потух.

— Мы ведь лучшие друзья.

— Да, — он ответил так быстро, будто даже не раздумывал.

Я переминалась с ноги на ногу. Где-то впереди тихо капала вода. Мёртвый Одержимый неподвижно лежал на камнях, а пламя факела дрожало от сквозняка.

Лео вдруг опустил взгляд и неловко спрятал ладони в карманы штанов.

— Тогда... я тоже должен кое-что рассказать, — произнёс он, заметно занервничав. — Ты говоришь, что тётя Эвелин учит тебя чувствовать души. А я их вижу. У людей внутри есть свет. Разный. У Жнецов — тьма. А ещё вокруг всех вьётся дымка — аура. Цветная.

— Правда? — выдохнула я, оглядев его.

Он неловко пожал плечами, пнув камушек. Я столько занималась с тётей Эвелин, училась различать тепло чужих душ, а Лео говорил об этом так обыденно...

— И мою тоже?

— Да, — со смущением ответил мальчик.

— И какая она?

— Тёплая. Очень.

От этого простого ответа мои щёки мгновенно вспыхнули. Я тихо фыркнула и толкнула его плечом.

— Тогда хорошо.

— Что хорошо?

— Что ты её видишь.

Лео взглянул на меня, а потом неожиданно улыбнулся. И мне вдруг стало так спокойно, будто страшного подземелья, мёртвого чудовища и всей этой жуткой магии вокруг вовсе не было.

— Значит, теперь у нас два секрета? — тихо спросил он.

— Целых два.

Я протянула ему руку. Мы переплели мизинцы, скрепляя нашу клятву, а после сразу поспешно двинулись обратно, прочь из сырых подвалов, крепко держась за руки. Колени всё ещё подкашивались от пережитого ужаса.

Глава 10. Лео

Время летело стремительно. Порой мне казалось, что после того случая в дворцовых подземельях кто-то просто перелистнул несколько страниц моей жизни разом.

Мне исполнилось четырнадцать. За эти годы Элларон изменился до неузнаваемости. Там, где раньше торчали обугленные остовы домов, теперь поднимались новые кварталы из светлого камня. На улицах всё чаще встречались люди, которых я никогда раньше не видел. Они приезжали из дальних поселений, привозили с собой семьи, товары и бесконечные слухи о Союзе. Город рос, дышал и постепенно переставал напоминать призрак погибшей столицы.

Мы с Даниэлкой тоже росли вместе с ним.

Почти каждый свободный день мы умудрялись находить приключения на свою голову. То сбегали к железной дороге смотреть на старые локомотивы, которые её отец заставлял возвращаться к жизни, то часами бродили по дворцовым садам или прятались на крышах хозяйственных построек, наблюдая за городской суетой сверху. Даниэлла по-прежнему оставалась единственным человеком, рядом с которым я мог забыть о Пустоте. С ней всё становилось проще.

За эти годы многое изменилось и в нашей маленькой семье. По вечерам мы с мамой и Каином изредка выбирались за пределы Храма и просто гуляли по городу. Мама рассказывала о растениях, которые начали возвращаться на очищенные земли, и о лечебнице, за которой следила. Каин ворчал на торговцев, на Жнецов, на Совет Союза и особенно на Киллиана. Честно говоря, мне казалось, что тот раздражал его одним фактом своего существования.

Они с ним спорили постоянно: на заседаниях Совета, в Храме, на улице. Наставник считал, что глава Союза слишком любит тайны и слишком часто играет судьбами людей. Киллиан же в ответ обвинял Каина в том, что он видит мир исключительно через клинок и боится любых перемен. Они могли неделями не разговаривать друг с другом, а потом снова срываться в очередной спор так, словно продолжали старый разговор.

А я застрял где-то посередине, потому что чем старше становился, тем сильнее меня давило осознание собственной сути. Снаружи всё выглядело нормально: тренировки, патрули, занятия, прогулки с Даниэлкой, но внутри росла невидимая стена, которая есть в каждом Жнеце, отделявшая меня от обычных людей.

Я видел, что взрослые знают что-то очень важное о нашей природе, но упорно отказываются рассказывать мне правду. А регулярные встречи в глубоком полумраке кабинета Киллиана со временем стали для меня привычным, хоть и изнурительным ритуалом. Кабинет ломился от беспорядочных гор книг и свитков. Порой мне казалось, что отец Даниэллы безумен, и я не мог сложить общую картину: почему мы здесь, откуда у него эта сила, зачем он ищет сведения о Боге Смерти и почему именно он и его супруга практически главные, если все остальные представители Союза — чистая аристократия? Каин сказал, что у меня нос не дорос.

В кабинете теперь всегда присутствовала мама. Она присоединилась к поискам, потому что в какой-то момент Киллиан рассказал ей обо мне. Наша тройная тайна связывала нас так плотно, что порой мне казалось, будто мы готовим заговор. Виолетта не должна была знать, что её дочь практикует магию, а Каин — что его воспитанник каждую неделю открывает своё нутро организатору Союза. Порой чудилось, что все эти секреты нас погубят.

— Расслабься. Не сопротивляйся. Сегодня нырнём глубже, — тихо, почти невесомо прошептала мама, мягко удерживая ладони в паре дюймов от моих висков.

Она не касалась меня, но я мгновенно ощутил её присутствие. Перед глазами поплыли свободные, мягкие сгустки розовой магии.

Напротив меня на низком стуле сидел Киллиан. На его лбу проступили глубокие морщины от сосредоточения, а взгляд потяжелел, устремившись в мою грудь. Он вытянул руку впе-

рёд, и янтарная магия — тонкая, острая, похожая на хирургические иглы — медленно погружилась в моё естество.

Я прикрыл глаза и провалился в медитацию, позволяя им двоим препарировать моё нутро.

Это всегда было странным ощущением. Я чувствовал, как сознание Киллиана пробирается сквозь внешние слои, сдвигает Пустоту и подбирается к самому сердцу моего существа — к тому самому светлому, человеческому ядру души, которое чудом уцелело во мне, вопреки законам Бога Смерти. Мне рассказали, что Жнецы получают лишь из Одержимых, временно сохранивших разум после заражения. А ещё демоны и Одержимые — это одно и то же. Раненые души.

Вдруг янтарная энергия замерла, натянувшись, словно струна. Я ощутил глухой, ментальный толчок где-то на границе между мыслями и чувствами.

— Эвелин, взгляни на это, — негромко произнёс мужчина непривычно глухо, что выдавало глубокое замешательство. — Направь свой поток чуть левее, к основанию его ментального контура. Видишь?

— Что это?.. — так же тихо отозвалась мама, и её лавандовые сгустки энергии хаотично запульсировали, и я поморщился. — Это неестественно...

— Именно, — Киллиан осторожно провёл иглой магии вдоль моего сознания, и меня изнутри прошила короткая, тянущая волна тупой боли. — Это грубые швы, которые буквально сшивают его разум и душу.

— Я плела подобное у твоих девочек, некоторые связи у них оборвались. Но не... не так глубоко.

Я пытался вникнуть в их слова, заглянуть в себя. Там, прочно стягивая две совершенно разные природы, тянулись грубые стежки. Они ощущались так, словно чья-то могущественная, но безжалостная рука наспех соединила несоединимое.

— Стоит заглянуть в нормального человека, чтобы понять разницу, да?

— Да. Кто мог сотворить такое с ребёнком? — дыхание мамы перехватило, а в шёпоте прорезались дрожащие, испуганные нотки, заставившие меня открыть глаза. — Это выглядит так... словно его перекроили ещё до рождения.

— Не знаю, — Киллиан не убирал руку. Его пальцы, окутанные туманом, едва заметно подрагивали над моей грудью. На его лице, обычно непроницаемом и строгом, застыло выражение глубочайшего сосредоточения. Веки мужчины напряжённо подёргивались, а зрачки то расширялись, то сужались, ловя малейшие колебания моих внутренних сумерек.

Вдруг янтарное свечение резко полыхнуло, сжимаясь вокруг моего сознания в одну тугую, раскалённую точку. Челюсти свело судорогой, а в горле застрял глухой стон — такая острая, режущая волна вспорола сознание.

— Этого не может быть... — едва слышно выдохнул он.

— Ноа? Что ты там нашёл? — Мама качнулась вперёд, едва не коснувшись моих висков, и её аура рвано затрепетала, ломая ровный ритм нашей медитации.

Мужчина медленно убрал ладонь от моей груди, но не отводил глаз.

— Эта душа... — Киллиан перевёл дыхание, словно ему не хватало воздуха. — Она... Она чужая. И... не целая.

В груди словно оборвалась струна. Чужая душа? Внутри меня чужое «я»? Я сразу же выпрямился, не в силах вымолвить ни слова — комната вокруг опасно покачнулась.

Какая-то внезапная, дикая мысль заставила Киллиана резко обернуться к маме. Его взгляд лихорадочно блеснул.

— Погоди... — Он сделал шаг к ней, и янтарные нити без предупреждения рванулись прямо к её груди.

Мама попыталась отпрянуть, но мужчина действовал слишком быстро. Тонкое плетение непреклонно просочилось сквозь её лавандовое свечение, проникая в самую глубь её существа. Она замерла, судорожно выдохнув, её пальцы намертво вцепились в край моего стула.

— Эй! Что вы делаете? — сипло спросил я, хотя полностью доверял Киллиану. — Зачем?

— Потому что чувствую кое-что странное.

— Всё в порядке... — выдохнула мама.

Я видел, как он продвигался сквозь её ауру. Веки запекло от напряжения — так отчаянно я пытался уследить за его движениями. Но в тот момент, когда янтарная магия окончательно сплелась с душой мамы, в малом кабинете содрогнулось пространство.

Между ними вспыхнул такой мощный, ослепительный резонанс, что у меня перед глазами всё поплыло. Их энергии — янтарный и лавандовый свет — встретившись, хищно ринулись навстречу друг другу, мгновенно сплетаясь в единый, вибрирующий поток. Я поджал губы, словно увидел что-то, чего видеть мне не следовало.

Мама резко вскинула голову, её глаза встретились со взглядом Киллиана. На её бледных щеках проступил лихорадочный румянец, а губы приоткрылись в немом вздохе. Мужчина замер, протянутая ладонь крупно задрожала, а янтарное сияние взбунтовалось, силой утягивая лавандовый свет за собой.

Киллиан с хрипом отдёргнул руку, и его магия с сухим треском вернулась обратно в ладони. Розоватое свечение мамы сжалось, превращаясь в тусклое, дрожащее облако вокруг её плеч. Она отвернулась, пряча лицо в тени своих распущенных волос, её спина напряглась, а пальцы судорожно сжали ворот платья, словно она пыталась сдержать рвущийся наружу крик.

Киллиан отступил к столу и тяжело опёрся о край, не поднимая головы. Грозовой озон вокруг пахнул гарью и горечью.

Я впервые видел взрослых такими — растерянными и испуганными.

— Ты такая же.

Мама медленно отступила к окну. Тонкие пальцы впились в грудь, сминая тёмное сукно платья. Её лицо сделалось белым, а дыхание со свистом вырывалось сквозь плотно сжатые зубы, словно под кожу прямо сейчас вонзились сотни невидимых лезвий.

— Моя суть... — сорвался с её губ надломленный шёпот. — Её кто-то перекроил? Это значит...

В следующий миг её качнуло. Она едва удержалась на ногах, ухватившись за край стола; грудная клетка рвано вздымалась.

— Эвелин! — Киллиан подался к ней, протягивая руку, но она резко вскинула ладонь, заставляя его остановиться.

— Не трогай... не надо... — выдохнула она, и её зрачки расширились, затапливая радужку. — Что мы такое, Безумный Король?

— Я не знаю...

— Мы куклы, — горячие капли покатались по щекам мамы. Её пальцы согнулись, и она начала слепо, яростно растягивать ткань на груди, словно пыталась выдрать, содрать с себя эти невидимые, ввевшиеся в самую ткань жизни нити. — Все эти годы... Мы все... Мы все тут просто куклы. Вот что со мной не так. Вот о чём говорил мой Ковен.

Внутри всё сжалось от непонимания. Я сорвался с места, подбежал ближе и крепко обнял её. Мама не оттолкнула меня — напротив, судорожно прижалась, сотрясаясь от плача. Куклы? Какие ещё куклы? Что это вообще значит?

Киллиан замер, и его лицо исказилось от отчаяния. Мои пальцы невольно похолодели, но я упрямо сжимал плечи мамы, стараясь не выдать собственного страха.

Глава 11. Даниэлла

Ночью я проснулась от удушливой тревоги, которая волнами расползалась по восточному крылу. Моя магия буквально кричала, что родители не спят. Накинув шаль, я тихо выскочила в коридор и пробралась к полуприоткрытой двери кабинета. Сквозь узкую щель я увидела отца. Он выглядел измождённым: волосы растрёпаны, мундир расстёгнут, а под глазами залегли такие чёрные тени, будто он не спал несколько недель. Он лихорадочно мерил комнату шагами, его пальцы судорожно подёргивались, а дыхание с хрипом вырывалось из груди.

— Это капкан. Мы в капкане, и все эти годы добровольно в него шли, — его голос сорвался на прерывистый шёпот.

Мама сидела в кресле, бледная, поджав губы. От неё пахло ледяной сиренью — верный признак страха.

— Ноа, успокойся, прошу тебя, — тихо произнесла она.

Отец резко остановился, опёршись ладонями о стол, и посмотрел на неё лихорадочно блестящими глазами.

— То, что мы там раскопали... это почерк чудовища!

Я затаила дыхание, прижав ладонь к губам, чтобы не издать лишнего звука.

— В Лео намертво вшита чужая душа. Кто-то перекроил мальчика. И в Эвелин! В ней те же следы!

— Но кто мог сотворить подобное?..

— Бог Смерти! Это сделал Бог Смерти, очевидно! — вскрикнул он. — Меня сводит с ума мысль, что и Лео, и Эвелин — это троянские кони!

Его бушующие эмоции давили на стены, заставляя воздух вибрировать от невыносимого зноя. Я думала, мама начнёт спорить, назовёт его безумцем или откажется верить в это...

Но она сделала совсем другое.

Она медленно подошла к нему, бережно обняла за дрожащие плечи и прижалась щекой к его груди. Её собственный дар на секунду мягко полыхнул, пытаясь успокоить бунт раскалённой ауры.

— Мы изначально знали, что всё это не случайность, — тихо, но удивительно твёрдо произнесла мама. — Нас ведут по предначертанному пути. Если Бог Смерти сделал их своими инструментами, значит, мы должны переиграть Его.

Я не заметила, как по щекам покатались слёзы, а по спине заструился ледяной пот. Что происходит?

Утро после подслушанного разговора принесло туман, выползший со стороны озера в саду. Я не смогла уснуть ни на минуту. Всю ночь передо мной стояли безумное лицо отца и его слова.

Сразу после молчаливого завтрака папа повёл меня в кабинет.

Вся ночная суета исчезла без следа. Он сел за стол в идеально выглаженной рубашке, с безупречно зачёсанными волосами. Он больше не метался по комнате. От этого неестественного спокойствия у меня внутри всё заledenело.

— Садись, Даниэлла.

Не «Дани», как обычно. Полным именем. Холодно, официально, словно я была не его обожаемой дочерью, а провинившимся солдатом на ковре у командира.

Я послушно опустилась на край жёсткого стула, пряча дрожащие пальцы в складках юбки. Моё ведьмовское восприятие рвано сжалось: от него сейчас пахло не привычным грозным озоном, а сухим льдом.

— Я заметил, что в последнее время ты слишком часто видишься с воспитанником Каина, — папа уставился на меня, сцепив пальцы. — Вы постоянно ищете поводы остаться наедине, сбегаете в неисследованные ярусы замка. С этим покончено.

— Папа, но Лео — мой лучший друг... Мы просто играем...

— С этого дня ты прекращаешь любое общение с ним, — отчеканил он. — Официально и окончательно. Вы больше не гуляете в саду, не пересекаетесь в коридорах и не разговариваете. Это не просьба.

— Но почему?! — из моих глаз брызнули слёзы обиды. Я вспомнила наши подземелья и нашу клятву на мизинцах. — Что он сделал не так? Он хороший! Он спас...

Я осеклась, едва не выдав наш секрет про Одержимого. Отец даже не поморщился от этого плача. На его лице не дрогнул ни один мускул. Но какая может быть угроза в Лео? «Инструмент Бога Смерти» — какая-то глупость. Лео много рассказывал мне о вере Жнецов. Их долг — защищать людей.

— Тебе не нужно знать причин, — ледяным тоном сказал папа. — Ситуация усложняется. Орден Жнецов должен заниматься своими обязанностями, а ты — учиться. Я защищаю этот город и тебя. Моё решение обсуждению не подлежит. Нарушишь приказ — и Лео будет переведён в дальний гарнизон. Ты меня поняла?

Я сглотнула горькие слёзы и медленно, через силу кивнула.

— Можешь идти.

Я поднялась и почти побежала к выходу, задыхаясь от несправедливости и закипающего гнева. Рука застыла на холодной бронзовой ручке двери. Обида, сокрушительная и горячая, комом встала в горле, выжигая послушание. Мой кивок в знак согласия растаял, уступая место бешеному упрямству.

Я резко повернулась.

— Нет! — сорвался мой крик, эхом ударив в потолок кабинета. — Нет, я не согласна! Ты не имеешь права!

Отец даже не шелохнулся. Он медленно поднял на меня взгляд, и в его глазах промелькнуло опасное предупреждение. Но мне было плевать. Моя магия, которую я так долго прятала от родителей, вылилась наружу дикой, неуправляемой волной. Воздух в кабинете резко нагрелся, запахнув палёной лавандой и грозой, а лампа на столе задрожала.

— Даниэлла, я сказал: разговор окончен, — произнёс папа тихо, но с такой колоссальной силой, что мои колени едва не подогнулись.

— Ты просто жестокий, холодный монстр! — выкрикнула я, и слёзы градом покатились по горящим щёкам. — Лео ничего тебе не сделал! За что ты так с ним? За что ты наказываешь его?!

Я не могла сказать ему, что подслушала их ночной разговор. Не могла признаться, что знаю про Бога Смерти и чужую душу. Для меня это выглядело как внезапное, абсолютно бессмысленное и уродливое безумие, ведь ничего плохого не произошло. Мой добрый, любящий отец, который раньше катал меня на плечах и показывал мне поезда, вдруг ведёт себя как безжалостный тиран, готовый сломать жизнь моему единственному другу, ничего не объясняя. Лео и так приходится тяжело.

Папа медленно поднялся из кресла, и потоки его магии безжалостно прижали моё ведьмовское тепло обратно к полу, гася его, как вода — огонь. Он навис над столом, и от всей его фигуры веяло такой опасностью, что мне на секунду показалось, будто передо мной стоит совершенно незнакомый человек.

— Ты ничего не понимаешь, Даниэлла, — отчеканил он. — Ты видишь детскую игру, а я вижу шахматную доску, где на кону стоят тысячи жизней, включая твою. Моя жестокость — это единственное, что удерживает всех нас от падения. И если ради твоей безопасности мне нужно стать чудовищем в твоих глазах — я им стану.

— Я ненавижу тебя! — бросила я ему в лицо, задыхаясь от ярости и бессилия. — Ненавижу твои приказы, твои правила и твой дурацкий Союз! Ты просто трус! Ты боишься всего вокруг и поэтому прячешься за этими стенами!

Мои слова ударили его — я почувствовала, как рвано дрогнула его аура, обнажая глубокую, кровоточащую рану.

— Иди в свои покои, малышка, — тихо произнёс он. — И молись, чтобы мне никогда не пришлось доказывать тебе, насколько далеко я могу зайти, защищая эту семью.

Я развернулась, вышла, с силой захлопнув дверь, и бросилась бежать по бесконечным коридорам дворца. Слезы застилали глаза, а внутри всё горело и рушилось. Это была наша первая настоящая, крупная ссора. Но если весь мир сошёл с ума и видит в Лео оружие врага, я буду единственной, кто останется на его стороне. А потом пришло осознание: я только что показала, что использую магию. И он ответил. Но ничего не сказал...

Глава 12. Ноа

Для обычного человека время — это прямая линия, поезд, идущий из пункта А в пункт Б. Но для меня, годами изучавшего природу энергии и структуру сил, оно никогда не было линейным. Время походило на колоссальный, бурлящий океан, где волны будущего могли захлёстывать прошлое, а тончайшие всплески силы создавали петли, связывающие наши жизни задолго до первого вдоха.

Я стоял у массивного стола, заваленного картами, графиками колебания тёмной энергии и записями ментальных исследований. Рядом мерно потрескивала лампа. За окном кабинет окутывал глухой ночной туман, скрывающий строящиеся кварталы Элларона.

Я искал закономерность. Бесконечные, изнуряющие годы уходили на то, чтобы взломать, разгадать замысел Бога Смерти, пока я слушал упрёки тех, кому пообещал свободу. Время шло, но своё обещание я выполнить не мог. То, с чем мы столкнулись, — это чистая физика изначальных сил, сложнейшая архитектура энергии. Даже на то, чтобы просто нащупать нити связи между разумом и душой, потребовались годы. Но теперь, когда я раскопал эти грубые, пугающие швы в глубине энергетических контуров Лео и Эвелин, пелена упала.

Это был хирургически точный, монументальный проект. Две фигуры, перекроенные по одному шаблону. Один — носитель чужой души, запертой в тисках Пустоты. Другая — изменённая ведьма. Откровение Эвелин о том, что она лично сшивала подобные нити у моих девочек, заставило кровь застыть в жилах. Я не встречал ни единого упоминания о том, что ведьмы способны на подобное. А новые носительницы дара в мире пока не объявлялись, хотя я был уверен: чей-то древний род наверняка уцелел.

Я закрыл глаза и поднял ладони. Собственная энергия послушно потекла сквозь пальцы, вплетаясь в саму ткань пространства. В очередной раз я попытался развернуть эти потоки, чтобы заглянуть вперёд, пробить барьер настоящего. Прочувствовать судьбу, о которой так грезит Каин. Он верил в рок, в неотвратимый финал, предначертанный его Ордену, а я всегда презирал эту покорность.

Сосредоточившись, я загнал пламя силы в самые глубокие слои реальности. Пытался поймать хотя бы эхо, хотя бы мимолётную тень того, что ждёт нас через год или пять лет. Мне необходимо было знать, куда ведут швы на телах близких.

Но вместо чётких образов будущего грудную клетку сдавило. Пространство вокруг сузилось до тесной, удушающей клетки. Рассудок обожгло дикое ощущение, будто чьи-то невидимые, колоссальные пальцы держат нас всех за шиворот, лениво переставляя по доске, как оловянных солдатиков. Каждое моё решение, каждый построенный завод, каждая печать, которую я наложил на Жнецов, — всё это могло быть частью Великого Замысла Того, кто сотворил Лео, Эвелин и весь Орден. Нами манипулировали. Нагло, тонко, на протяжении десятилетий. Бог Смерти не просто ждал — Он сам вёл нас на поводке.

Кожу обдало ледяным потом, а дыхание перехватило. Янтарные потоки вокруг задёргались, грозя разнести кабинет в щепки. Контроль ускользал, магия рвалась наружу, готовая сокрушить стены.

— Ноа... прекрати. Пожалуйста, остановись.

Мягкий, тёплый голос заставил меня вздрогнуть. Сила мгновенно втянулась обратно, растворяясь в кистях рук. Я открыл глаза и обернулся.

Виолетта стояла у двери в ночной сорочке, накинув на плечи тёмный платок. В её уставшем взгляде читалась щемящая забота. Она подошла ближе, мягко перехватила мои ледяные запястья и прижала ладони к своей груди, заставляя уловить ровный, спокойный стук сердца. Но я всё ещё оставался по ту сторону реальности. Пространство вокруг разделилось слоёв на

десять: я видел лишь зыбкие очертания супруги, а её слова доносились словно из-под толщи воды.

— Ты снова зарываешься слишком глубоко, — тихо произнесла она, всматриваясь в моё лицо. — Твои зрачки... в них опять этот жуткий, отрешённый блеск. Ты проводишь в этих расчётах каждую ночь, это пожирает тебя изнутри. Не повторяй судьбу отца.

Гидеон тоже верил, что сможет подчинить себе великие силы, что просчитает всё наперёд и удержит абсолютный контроль. И где он закончил? Стремление обуздать невидимое лишило его рассудка, оставив лишь пустую, одержимую идеей оболочку.

— Я не хочу потерять тебя, — её голос дрогнул от упрямой, горькой боли. — Нам нужен муж и отец здесь, в реальном мире, среди живых людей и законов, а не безумец, застрявший в петлях времени. Вернись ко мне.

Я притянул её к себе, обнимая за талию, и уткнулся лицом в плечо. Пришлось собрать всю волю, чтобы окончательно усмирить бушующую силу. Виолетта была права. Если я позволю этим исследованиям поглотить мой разум, Бог Смерти победит ещё до того, как начнётся финальная битва.

— Хорошо, — тихо ответил я. — Больше никаких поисков на сегодня.

Когда Виолетта наконец уснула, я так и не смог заставить себя лечь. Мысли лихорадочно крутились вокруг швов между душой и разумом. Требовалось проверить одну догадку.

Я накинул плащ и спустился в глубокие ярусы западного крыла, направляясь напрямик к уединённым покоям Каина и Эвелин. Здесь, вблизи Храма, воздух казался совсем разреженным, а от стен веяло леденящей Пустотой.

Я толкнул тяжёлую дубовую дверь без стука. Каин не спал. Он сидел в высоком кресле у камина, в котором едва теплились угли. В темноте его силуэт казался высеченным из теней, а кожа отливала мертвенной белизной. Отсутствие Эвелин резануло секундным удивлением.

— Ничего себе, Безумный Король решил заглянуть сюда? — не оборачиваясь, глухо произнёс он. — Что-то случилось?

— Нужно проверить твою метку, — спокойно солгал я, проходя вглубь комнаты. — Ведьма нервничает.

Каин издал короткий смешок и наконец повернул ко мне голову. Его тёмные глаза были абсолютно пустыми.

— Я давно научился различать твою ложь.

— Я хочу проверить кое-что... Если позволишь, — тише ответил я. — Но не знаю, насколько это безопасно.

— Иначе не бывает. — Каин тяжело вздохнул и откинул голову на спинку кресла, покорно прикрывая веки. — Давай быстрее, завтра вылазка у молодняка.

Я вытянул руки и выпустил энергию. Потoki мягко легли на его плечи, просачиваясь сквозь ледяной защитный барьер, который он всегда выставлял против внешнего мира. Моё восприятие, обострённое недавним открытием, ринулось в самую главную глубь его существа, пробивая пласт за пластом. Туда, куда я никогда не рискнул бы залезть в мальчишке, боясь повредить хрупкую суть.

Когда сила достигла центра его естества, у меня перехватило дыхание, а челюсти невольно сжались. Пустота... Да, эта материя была запечатана в теле. Но структура... Это было невероятно. В Жнеце сосуществовали две души?

Первая — демоническая. Яростная, рождённая из дикого первобытного хаоса. Она клотала, требуя крови, разрушения и безумного подчинения. Но её намертво сковывала вторая душа, вплавленная в общий каркас и сотканная из чистой плоти Пустоты, — абсолютно мёртвая, леденящая, испытывающая вечный, неутолимый голод.

Эти две сути не уничтожали друг друга только потому, что их удерживали те же самые грубые энергетические швы. Плотные нити чужой воли пробивали обе души насквозь, заставляя демоническую ярость подпитывать голод Пустоты, а голод Пустоты — направлять эту ярость в нужное русло. Это был идеальный, пугающий двигатель войны.

Я заставил себя продвинуть поток восприятия дальше. Каин глухо чертыхнулся, но не шелохнулся.

У Лео эти швы бережно удерживали светлую, хрупкую человеческую душу внутри кокона Пустоты. Это была ювелирная, тонкая работа. У Эвелин стежки искусно маскировали её изменённую природу под естественные потоки ведьмовской энергии. С Каином же Бог Смерти не церемонился. Его энергетические швы были грубыми, толстыми, вбитыми в сознание, словно железные скобы.

Я резко отвёл силу назад, обрывая контакт. Каин медленно открыл глаза, а я поспешно убрал дрожащие пальцы за спину.

— Да ты с ума сходишь, — тихо заметил он, прищурившись. — Есть новости?

Я с трудом сглотнул вставший в горле ком. Мои печати, которые я накладывал на их души, были лишь тонкой марлей на сквозной ране.

Я не мог рассказать ему слишком много. Из-за ментальной связи с Эвелин он плохо контролировал собственное нутро. Жнецы глушат любые эмоции, цепляясь за абсолютное хладнокровие, чтобы демоническая душа оставалась под замком. Но когда ты ежесекундно разделяешь чувства другого — это невыполнимая задача. Мы с Эвелин изначально решили оградить Каина от этой правды, чтобы не подвергать его лишнему риску.

— Всё в порядке, — ответил я, стараясь, чтобы тон звучал ровно. — Пытаюсь понять...

— Это ведь бесполезно.

— Что?

— Бесполезно, — повторил он. — Годы идут, ты и впрямь создал целое государство... Хотя, уверен, это была идея принцесски. Но свою часть сделки ты не выполнишь. Никогда.

— Ты ошибаешься, — отрезал я, чувствуя, как желваки ходят под кожей.

— Твоя цель — разобраться со своими грехами, а не помочь тем, кто тебе верен. Хотя это, вообще-то, одно и то же.

Я не нашёл что ответить. Ведь я действительно хочу помочь. Очистить имя. Построить спокойный мир...

— Я хотел бы считать нас друзьями, — продолжил Каин. — Но я до сих пор вижу в тебе лишь опасность. Мой Бог сделал для нас гораздо больше, чем ты.

— Это не твоё восприятие.

Каин промолчал, лишь снова отвернулся к едва тлеющим углям.

Я смотрел на его широкую спину, и кулаки невольно сжимались. Я не мог открыть ему правду. Не мог признаться, что в его груди намертво закреплена чужая, искусственная суть из Пустоты. И даже не мог полностью доверять ему, потому что так и не понял, насколько сильно Бог Смерти способен влиять на Жнецов.

Но чего бы мне это ни стоило, какие бы запретные законы энергии не пришлось нарушить, я препарировать эту структуру. Никто не вправе управлять чужой судьбой. Возможно, нам не пришлось бы пережить столько страданий, если бы этот «Бог» не вмешивался. Я не верю в безвозмездное благо. Впрочем, возможно, я действительно местами перебарщиваю. Дневная вспышка дочери отрезвила меня.

— Каин...

— Что?

— Я помогу всем, кому смогу помочь. Клянусь.

— Иногда клятв недостаточно.

Глава 13. Лео

Обычные мальчишки учились ремеслу, помогали отцам в мастерских или тайком бегали в лес. Моя же реальность пахла оружейным маслом, запёкшейся кровью на тренировочных манекенах и леденящей стужей, которая с каждым годом уходила всё глубже под мою кожу.

Безжалостные тренировки Каина принесли свои плоды. Я больше не был тем испуганным ребёнком, который прятался за спинами взрослых. Шаг за шагом, день за днём из меня выковывали идеального служителя Ордена. Чувства, сомнения, страх — всё это сгорало в холодном пламени Храма, оставляя лишь чистую, расчётливую эффективность. Мой разум стал продолжением клинка, а воля подчинялась одной цели: защищать людей и выполнять приказы.

Сегодняшнее утро застало нас на северной окраине Элларона, у огромных Внешних ворот, за которыми начинались дикие, ещё не зачищенные земли. Орден планировал обычную вылазку к дальним рубежам, но на рассвете планы резко изменились: вернулись передовые разведчики. Они сообщили, что из глубины мёртвых пустошей на город надвигается орда Одержимых. Для обучения Жнецов это стало идеальным моментом. Сверстники всё время сборов только и обсуждали грядущее сражение.

Я стоял в первой шеренге авангарда, кутаясь в тяжёлый форменный плащ. Гвардия была разделена на два разительно отличающихся друг от друга лагеря.

Люди-солдаты — регулярная гвардия Элларии. Десяток взрослых бойцов в блестящих стальных кирасах, с тяжёлыми ростовыми щитами и пороховыми ружьями. Их жизненная энергия, которую я неотрывно видел, казалась тёплой, яркой, но пугающе хрупкой — как пламя свечи на шквальном ветру. Они были уязвимы, но их дисциплина внушала уважение.

Молодые Жнецы Ордена — чёрная стена, застывшая позади человеческих отрядов. Нас было меньше, но каждый из нас, даже юнец, стоил десятка обычных солдат. От нашей шеренги расплзался такой могильный хлад, что стоящие впереди гвардейцы невольно передёргивали плечами и старались не оборачиваться. Внутри моих собратьев бурлила Пустота, намертво зажатая жёсткими рамками монастырского устава. Они казались монолитными, безжалостными изваяниями, готовыми разорвать любого по первому слову командиров.

Глядя на эту маленькую армию, я верил, что когда Ордена не станет — а это рано или поздно произойдёт, — люди смогут защитить себя сами. Земли постепенно зачищались, Одержимые прятались в глуши, заражения становились редкостью, и новых Жнецов появлялось всё меньше.

Каин стоял во главе авангарда. Его массивная фигура в доспехах из Пустоты возвышалась над строем, словно скала. Предводитель вылазки излучал такую колоссальную, подавляющую силу, что воздух вокруг него буквально шёл трещинами, а энергия давила на сознание каждого подчинённого.

Моя собственная Пустота вела себя тихо, послушно свернувшись в глубине груди. Я был готов. Я научился не выделяться, быть частью этой грозной чёрной машины. Наставник обернулся, его леденящий взгляд на секунду задержался на мне, оценивая собранность, и удовлетворённо сузился. Я не подведу его. Я стану тем оружием, которое он так долго из меня собирал.

Тяжёлые цепи Внешних ворот Элларона с грохотом пришли в движение. Металлические створы медленно поползли в стороны, открывая серое, туманное пространство, полное затаившейся смерти.

— Выдвигаемся, — глухой, вибрирующий голос Каина прорезал утреннюю тишину.

И я без колебаний сделал первый шаг вперёд.

Серый туман скрадывал звуки, превращая марш в глухое, монотонное шуршание. Мы шли несколько часов, окончательно покидая защищённые рубежи и углубляясь всё дальше на север.

Вскоре унылая равнина сменилась густым, полумёртвым лесом. Вековые деревья стояли здесь изогнутыми корягами, а земля под ними была буквально разворочена. Мы двигались строго по следам, которые оставила орда: подлесок был смят в труху, молодые сосны вырваны с корнем, а кора на стволах ободрана огромными когтями. Враг шёл сплошным потоком, подчиняясь слепому животному инстинкту. Я не отвлекался на перешёптывания ребят, стараясь сосредоточиться на командах наставника.

Атака застала нас врасплох, прервав тишину леса оглушительным треском. Бурелом впереди словно взорвался, и наружу хлынула лавина тел. На острие этого безумного потока неслись десятки Одержимых — существ, которые ещё недавно были обычными людьми. Теперь их деформированные тела двигались с ломаной, пугающей скоростью. А прямо над ними, круша толстые сучья и перескакивая с вершины на вершину, мчался огромный демон — уродливое многоногое создание, похожее на гигантского паука, сотканное из ядовитого багрового пламени и жёсткого хитина.

Эту голодную массу вело одно — жажда тепла. Их неумолимо тянуло к живому импульсу регулярной гвардии. Веющую могильным хладом шеренгу Жнецов твари поначалу просто игнорировали — в нас не было той энергии, которой они могли бы подпитаться. Зато на яркие, горячие ауры людей в стальных кирасах орда ринулась с яростным, утробным рёвом. Одержимые неслись лавиной, готовые зубами и когтями разорвать хрупкие человеческие жизни, чтобы согреться их кровью.

— Держать строй! Принять на щиты! — взревел офицер регулярных полков.

Солдаты мгновенно сомкнули тяжёлые щиты, выставив вперёд частокол стальных копий, и открыли плотный огонь. Гул выстрелов разорвал лесную глушь, пороховой дым заволок передовую. Первые ряды Одержимых повалились в грязь, но общую массу это не остановило.

Я уже приготовился призвать меч, готовый вместе со всеми броситься на перехват, но Каин жёстким жестом удержал отряд на месте. Вместо этого он мёртвой хваткой вцепился в мой наплечник, рванул на себя и с силой вытолкнул вперёд, на открытое пространство — прямо наперерез пикирующему с деревьев огненному чудовищу.

— Твой выход, — его шёпот обжёг мне ухо. — Настал момент показать, чему тебя учили. Демон на тебе, как на старшем. Уничтожь его.

Я остался один на один с тварью на полосе выжженной земли между строем солдат и накалывающей ордой. Плавающий паук приземлился передо мной, скрежеща костяными лапами по промёрзшей грязи и обдавая удушливым жаром багрового огня.

Внутри него бешено клокотала грязная, чужеродная ярость. На секунду в голове промелькнула мысль о том, кем это существо было раньше и как первобытный Хаос переплавил его в этот кошмар, но наставник тут же пресёк мои колебания, жёстко крикнув из-за спины:

— Не смей колебаться! Жнец исправляет реальность. Убей его!

Я заставил свой разум полностью отключиться. Секундное замешательство я затолкал глубоко на дно сознания, придавив плитой Пустоты, и призвал меч, позволяя холоду из груди плавно перетечь в клинок.

Шаг вперёд. Стремительный, безжалостный выпад.

Демон замахнулся на меня сразу тремя когтистыми, пылающими лапами, стремясь раздавить на месте, но я оказался быстрее. Мой меч прошёл сквозь его жёсткий хитин и огненную структуру так же легко, как нож сквозь масло. Одним ровным, мощным круговым ударом я напроць рассек основание его уродливой головы. Багровое пламя твари с шипением погасло, огромная туша судорожно дёрнулась и грузно рухнула в чёрную грязь, поднимая тучи пепла.

Остальных Одержимых молодые Жнецы, наконец вступившие в бой по приказу, добились за считанные минуты. Они действовали слаженно и безжалостно, быстро отсекая уцелевших тварей от изнурённых человеческих полков.

Каин подошёл ко мне, окинул бесстрастным взглядом дымящуюся тушу у моих ног и скупо кивнул. В его глазах читалось суровое удовлетворение.

Возвращение в замок состоялось уже на закате, когда небо окрасилось в золотистые тона. Гвардия входила через Внутренние ворота уставшей, но непобеждённой стеной. Солнечные блики играли на помятых кирасах людей и поглощались чёрными доспехами Жнецов.

У самого входа во дворец нас встречали. На гранитных ступенях, кутаясь в длинный шерстяной плащ, стояла мама. Я сразу заметил, как тяжело и неестественно двигаются её плечи — после того как Киллиан вскрыл её природу в малом кабинете, она, кажется, так и не могла избавиться от фантомного ощущения стягивающих тело нитей. Её лавандовые потоки силы рвано пульсировали, а пальцы, сжимавшие края ткани, побелели от напряжения. И, кажется, Каин был этим недоволен.

Мама проводила взглядом проходящие мимо отряды и остановилась на нас.

— Вы вернулись, — тихо произнесла она, на секунду задержав внимание на моём лице, выискивая следы ран, а затем перевела взгляд на наставника.

— Вылазка прошла успешно, Эви, — холодно ответил Каин, проходя мимо неё вглубь коридоров. — Потерь нет.

— А Лео? Ты похвалил его?

— Его не за что хвалить. Он сделал то, чему я его учил. Сразил мелкого демона.

Я молча последовал за ним, лишь на мгновение встретившись взглядом с мамой. В её глазах застыл немой, испуганный вопрос, природа которого мне была неясна.

Она решительно шагнула вперёд, преграждая Каину путь. Её лавандовая энергия вспыхнула ярче, сталкиваясь с глухим, колючим холодом наставника. Тот вынужденно остановился.

— Опять ты ведёшь себя как упрямый баран! — вспыхнула мама. — Неужели так сложно смягчиться к ребёнку? Тем более не на публике? Пара лишних слов бывает жизненно важна!

— Вправду? Нам нужно поговорить о важности слов? — Каин сделал ещё шаг, сокращая расстояние между ними до минимума. — А я вот должен их вымалывать.

Воздух между ними мгновенно сгустился, затрещал, пахнув озоном и палёной шерстью. Веки обожгло от плотности вспыхнувшего напряжения. Они оба замерли, напряжённые — так отчаянно они пытались подавить яростное, магнетическое притяжение, вспыхнувшее вопреки скандалу.

— Как ты можешь впутывать в это Лео? — Голос мамы на секунду задрожал, но взгляд оставался твёрдым. — Ты превращаешь его в кусок мёртвого гранита! Ему всего четырнадцать!

— Он Жнец, — Каин навис над ней грозовой тучей, и его Пустота глухо зарычала. — Твоя неуместная мягкость и эти твои вечные секреты погубят его при первой же серьёзной атаке.

Мама резко повернулась ко мне, встав спиной к Каину, и мягко, но крепко поймала меня за плечи. Её ладони были потрясающе тёплыми.

— Лео, посмотри на меня, — с отчаянием и бесконечной нежностью произнесла она, заглядывая мне в самые зрачки. — Ты молодец. Не смей становиться таким же, как он. Ты должен жить! Жить, совершать ошибки, наслаждаться каждым днём, дышать полной грудью, чувствовать тепло...

Я неловко улыбнулся, понимая, что поток этих безумных слов — не более чем очередной резонанс накативших эмоций. Иногда это заходит так далеко, что лучше поскорее уйти, пока эти двое что-нибудь не сломали. Но с другой стороны... в её порыве крылась горькая логика. Я отличался от других Жнецов: внутри меня не клокотала первобытная ярость, но воспитывали

меня наравне со всеми. Киллиан строго-настрого запретил сообщать Ордену и Каину о моей истинной сути.

— Всё в порядке, мам...

Каин грубо перехватил её руку чуть выше запястья, отгаскивая от меня.

— Хватит забивать парню голову своими соплями, Эви, — процедил он.

Я спокойно сделал шаг назад, даже не думая заступаться. Я слишком хорошо знал: вмешиваться в их разборки — чистое самоубийство, да и пострадает в этой ситуации исключительно сам наставник. Мама просто сотрёт его в порошок, если будет слишком зла.

Вспыхнул очередной крупный скандал — один из тех, что за последний год стали постоянным, изматывающим кошмаром нашего крыла. Взрослые начали кричать друг на друга, а я развернулся и пошёл прочь по тёмному переходу, чувствуя себя абсолютно чужим на этом празднике чужих эмоций. Я ускорил шаг, сворачивая к боковому выходу.

Мне нужен был воздух. Настоящий, чистый, не отравленный приказами Ордена. Вскоре я толкнул стеклянную дверь и вышел в прохладную темноту королевского сада, позволяя ночному туману окутать мои усталые плечи.

Шаги затихали в мягкой траве. Я шёл без цели, уходя всё глубже туда, где раскидистые кроны старых деревьев полностью скрывали из виду суровые, давящие башни. Мне отчаянно хотелось дистанцироваться. Отсечь от себя рык наставника, лавандовые искры мамы и этот бесконечный долг, который изнурял меня каждый день. Мне просто нужно было побыть одному. Ну, или хотя бы там, где от меня ничего не требовали.

Впереди, за густыми кустами белой сирени, послышался весёлый смех, звяканье фарфора и беззаботные голоса. Там находилась старая мраморная ротонда, ярко освещённая тёплыми фонариками.

Я остановился в тени ветвей, невольно всматриваясь в собравшуюся компанию. С тех пор как Киллиан учредил Совет и объявил о зарождении демократического Союза, дворец наводнили семьи союзников, и при дворе появилась новая аристократия. А их дети, мои сверстники, привнесли в этот мрачный замок совершенно иную, неведомую мне ранее жизнь.

В ротонде сидело человек пять — золотая молодёжь нового Союза, дети делегатов Совета, и Даниэлла. Ей было двенадцать, и она заметно повзрослела.

Внутренняя энергия собравшихся, которую я всё равно подспудно улавливал, разительно отличалась от леденящего холода моих братьев-Жнецов. В этих детях не было Пустоты. От них веяло обычным человеческим сумбуром, мелкими девичьими обидами и юношескими амбициями. Они были настоящими. Живыми.

— О, глядите, кто соизволил спуститься к смертным из своих чертогов! — звонкий голос Валерии прервал мои мысли. Она заметила меня среди кустов и задорно помахала рукой, унизанной тонкими браслетами. Валерия была близкой подругой Даниэллы и дочерью главного торгового представителя южных приморских республик. Черноглазая, невероятно живая и острая на язык девчонка, она знала все сплетни дворца и одевалась в летящие шёлковые платья. — Лео! Хватит прятаться в темноте, иди к нам, у нас есть ягодный пирог и тонна столичных сплетен!

Я помедлил секунду, но возвращаться в душные коридоры хотелось ещё меньше. Я вышел на свет фонариков и медленно поднялся по мраморным ступеням ротонды.

Юлиан вежливо кивнул мне, пододвигая плетёный стул. Он был высоким, темноволосым парнем пятнадцати лет, сыном верховного судьи. Он всегда носил дорогие суконные камзолы и рассуждал о законах с видом умудрённого опытом министра.

— Присаживайся, — негромко буркнул Марк — смуглый сын представителя Инженерных гильдий, убирая со стола какую-то медную деталь, чтобы освободить побольше места. — А то на тебе лица нет, будто тебя гоняли по полигону до седьмого пота.

Я сел, чувствуя себя немного неуклюже в своей полувоенной кожаной куртке среди их ярких, гражданских нарядов.

Я тут же перевёл взгляд на Даниэлла. Она встрепенулась, когда я вошёл, в её глазах на мгновение вспыхнула привычная, ласковая радость. Она потянулась было ко мне, но тут же, словно вспомнив о чём-то, слегка отстранилась. Дани больше не искала моих рук или объятий. А её душевное тепло теперь тянулось ко мне робко, короткими импульсами. И я не понял, почему.

— Привет, — тихо произнесла она, кутаясь плотнее в шаль. — Ты... как съездил? Вылазка была опасной?

— Обычный патруль, — коротко ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал мягко. Мне не хотелось тащить за собой запах Одержимых в этот чистый островок уюта. — Ничего особенного.

— Да брось ты, «обычный патруль»! — фыркнула Валерия, грациозно нарезая пирог. — Мой отец сегодня на Совете три часа распинался о том, как Орден Жнецов доблестно защищает торговые пути, молодняк выбрался на целую орду. Юлиан вон вообще считает, что вас нужно внести в свод законов как отдельную гвардию. Держи кусок, герой. Тебе точно нужно подкрепиться, а то бледный как привидение.

Она без церемоний впихнула мне в руку тарелку.

— И чаю глотни, горячего, — робко добавила Амелия, дочь посла, придвигая ко мне изящную фарфоровую чашку, от которой шёл густой аромат бергамота. — Ты действительно очень бледный. Валерия, ну не нападай на него с расспросами прямо с порога, дай человеку выдохнуть.

— Да ладно тебе, ему полезно отвлечься от своего казарменного быта, — подал голос Марк, подперев щёку кулаком.

Я взял серебряную вилку, чувствуя, как от сладкого аромата печёной земляники во рту скапливается слюна. В Храме нас кормили безвкусной, пресной похлёбкой — Жнецы считали, что еда должна лишь поддерживать силы, а не приносить удовольствие. Я отправил кусок пирога в рот. Кислые ягоды, хрустящее сладкое тесто — это было так просто и одновременно так невероятно.

Ребята же, кажется, вернулись к разговору, что был до моего появления. Слушать их было удивительно легко. Они спорили о вещах, которые казались мне бесконечно далёкими от леденящей Тишины Бога Смерти: о пошлинах на зерно, о новых фасонах платьев, которые привезли купцы, о том, что учитель словесности во дворцовой школе совершенно не умеет проверять сочинения. Марк что-то тихо доказывал Юлиану, Амелия подливала чай, а Валерия то и дело перебивала их обоих, смешно копируя напыщенные манеры своего отца-делегата. Даниэлла негромко смеялась, бросая на меня короткие взгляды. Каждый раз, когда её смех звенел в прохладном воздухе, тяжесть в моей груди немного отступала, позволяя вздохнуть свободнее.

Когда я отставил тарелку, Валерия во всех красках рассказывала, как Юлиан умудрился свалиться с лошади прямо перед парадным входом, пытаясь произвести впечатление на какую-то приезжую девчонку.

Я не выдержал и коротко, тихо рассмеялся, чувствуя, как с плеч спадает невидимый груз, уступая место забытому теплу.

Я посмотрел на Даниэлла. Она поймала мой взгляд, и её улыбка стала шире.

Ночной туман вскоре за клубился вокруг мраморных ступеней, звёзды тихо замерцали на тёмном небе Элларона. Вот о чём всегда твердит Каин. Вот почему мы защищаем людей. Чтобы этот хрупкий мир продолжал существовать. И ради того, чтобы эти ребята продолжали так же беззаботно смеяться, а Даниэлла никогда больше не сжималась от ужаса перед Одержимыми.

мыми, я готов был завтра снова надеть свои чёрные доспехи и стать любым оружием, которое потребуется этому Союзу.

Глава 14. Даниээла

Утром папа тихо зашёл в мою спальню, оставив за дверью привычную маску сурового дипломата и правителя. От него пахло грозovým озоном. Он присел на край моей кровати, долго и молча смотрел на свои ладони, словно собираясь с силами, а потом тихо, надломленно произнёс:

— Прости меня. За те слова в кабинете. Я... погорячился и был неоправданно груб с тобой. Моя вечная тревога порой ослепляет меня, заставляя видеть врагов там, где их нет.

В груди сразу потеплело, а тяжёлый комок обиды, давивший со вчерашнего дня, бесследно растворился.

— Я отменяю запрет, — отец грустно улыбнулся и бережно коснулся моих волос сухими пальцами. — Можешь общаться с Лео. Но... я очень прошу тебя: будь с ним осторожнее. Обещай, что будешь беречь себя. И знаешь что... Пускай Эвелин учит тебя магии. Да и я на днях не прочь показать тебе пару приёмов.

— Хорошо.

Он поцеловал меня в лоб и скрылся за дверью. В комнату заглянуло мягкое утреннее солнце.

Этот короткий разговор задал тон всему дню, который стал идеальным отражением того, в каком совершенно ином Эллароне я внезапно обнаружила себя. Наш замок больше не был угрюмой крепостью, затерянной среди руин. Теперь он бурлил, шумел сотнями голосов, шуршал дорогими тканями и круглосуточно звенел политическими спорами. Время двигалось вперёд, и моя жизнь оказалась расколота на три совершенно непохожие грани. И сегодня мне предстояло отчаянно балансировать между ними, стараясь нигде не оступиться.

Первый из этих миров затянул меня сразу после завтрака — пространство мамы, куда она неизменно брала меня с собой.

Всё свободное время я проводила на бесконечных встречах с аристократией. Мама была целиком поглощена выстраиванием новой дипломатической реальности Союза. Наблюдать за ней в такие минуты было одновременно восхитительно и жутко. Из нежной, пахнущей сиренью матери она на глазах Совета превращалась в леди из чистой стали.

Сегодня я снова послушно стояла за её креслом в Малом зале, где собирались наместники дальних земель. Мама сидела во главе огромного дубового стола, окружённая высокомерными делегатами в роскошных одеяниях.

— Мы предлагаем вам не подчинение, господа, а защиту, — спокойно говорила она, пока её тонкие пальцы изящно перебирали бумаги. — Гарнизон обеспечивает абсолютную безопасность ваших торговых караванов, полей и шахт. Взамен Союз ожидает бесперебойных поставок зерна и металлов в казну. Это честный, прозрачный обмен. И если ваши советники откажутся подписывать пакт... что ж. Патрули просто обойдут ваши границы стороной во время следующей волны Одержимых. Выбор за вами.

Она искусно плела интриги, славлила между собой амбициозных аристократов и гасила любые намёки на бунт в зародыше. Мой ведьмовский дар отчётливо фиксировал, как тяжело ей это даётся: за безупречной осанкой и вежливой улыбкой скрывался леденящий холод колоссального истощения. Она тащила на плечах всю гражданскую структуру Союза, и эта ноша с каждым днём становилась тяжелее.

Едва вырвавшись из Малого зала ближе к трём часам дня, я тут же столкнулась со второй, самой мрачной гранью нашей семьи. С миром отца.

Если мама воевала на свету, среди людей и громких речей, то отец полностью скрылся во тьме. Он снова не вышел к обеду, переложив административные заботы на супругу, и круглые сутки проводил в добровольном заточении среди книг и древних манускриптов.

Я сама принесла ему обед, поскольку мама физически не успевала за ним приглядывать. Обитель отца напоминала лабиринт из пожелтевшей, пахнущей тленом бумаги. Столы, подоконники и даже пол были завалены старинными трактатами по архитектуре изначальных сил, хрониками времён падения древних богов и записями о природе Пустоты.

Отец лихорадочно листал страницы, быстро зарисовывая в блокноте контуры энергетических схем. Когда я тихо притворила дверь и поставила поднос на край стола, он вздрогнул, словно возвращаясь из пугающе далёкого путешествия. Отложив толстый фолиант в кожаном переплёте, он натянуто улыбнулся и ласково погладил меня по щеке.

— Спасибо, Дани... — хрипло прошептал папа, скользнув взглядом по остывающей еде. — Как твои дела?

— Всё хорошо, — тихо ответила я. Горло перехватило от одного взгляда на его измождённое лицо. — Поешь, пожалуйста. Мама места себе не находит.

— Да, да, сейчас... Мне просто нужно закончить главу. Всего одну, родная.

Он снова слепо потянулся к пергаменту, мгновенно забывая о моём присутствии. Я бесшумно покинула кабинет, плотно прикрыв за собой дверь.

И только когда солнце начало клониться к закату, окрашивая гранитные шпили Элларона в мягкие сиреневые тона, для меня открылся третий мир. Самый яркий, тёплый и настоящий.

Теперь, когда отец снял запрет, больше не приходилось затравленно оглядываться на каждого встречного стражника. Как же хорошо, что Лео не задавал вопросов, избавляя меня от неловких объяснений.

Вечером мы снова устроились в старой мраморной ротонде. Валерия с упоением пересказывала подробности ужина для послов из Асадаля, активно жестикулируя и едва не опрокидывая фарфоровые чашки.

— Вы бы видели жену этого вельможи! — смеялась подруга, поправляя подол летящего шёлкового платья, совершенно не подходившего для вечерней прохлады. — Она косилась на наши стены так, словно ожидала, что из-за угла выскочит Одержимый и сорвёт с неё жемчужное ожерелье!

— Им просто непривычна наша архитектура, — рассудительно заметил Юлиан, разворачивая свиток с поправками к торговому уставу, который он изучал для отца и зачем-то притащил с собой. — Чёткая правовая база — вот что заставит их доверять нам, а не просто бояться Ордена.

— Твоя бумага не починит их повозки, если они сломаются на наших ухабах, — негромко буркнул Марк. Он даже не поднял взгляда, увлечённо ковыряя маленькой отвёрткой внутренности карманных часов. Вокруг него на деревянном столе живописным беспорядком покоились крошечные шестерёнки и пружины. — Тут нужны новые ремонтные мастерские. Правда ведь, Лео?

Лео, сидевший по правую руку от меня, тихо кивнул. Весь вечер он старался держаться поближе. Я бросила на него короткий взгляд: на фоне Юлиана он казался намного взрослее и собраннее. Идеальная осанка, спокойные, выверенные движения. Но здесь, в нашем кругу, его обычно суровые черты заметно смягчались, теряя казарменную жёсткость.

Когда Амелия протянула ему чай, он негромко поблагодарил её. В этот момент мы встретились взглядами. В груди разлилось приятное тепло — я физически ощутила, как между нами снова восстанавливается та самая невидимая, хрупкая связь, которую отец едва не разрушил.

Но этот изматывающий день неумолимо подошёл к концу. Глубокая ночь окончательно опустилась на Элларон, погрузив шумный дворец в тишину. Моя комната казалась единственным надёжным убежищем.

Сон не шёл. Накинув на плечи пушистую шерстяную шаль, я открыла стеклянные створки и тихо вышла на сырой каменный балкон. Сад внизу тонул в сизом тумане, сквозь кото-

рый слабо пробивался лунный свет. Я оперлась ладонями о перила, собираясь просто побыть на воздухе, как вдруг заметила движение внизу, на тренировочной площадке перед Храмом.

Это был Лео.

Он стоял один посреди пустого двора. Без чёрного доспеха Жнеца — в одной лишь простой тёмной рубаше с закатанными рукавами и с тренировочным клинком. Мальчик двигался абсолютно бесшумно, плавно перетекая из одной боевой стойки в другую. Каждое движение было резким, точным и выверенным.

Я затаила дыхание, боясь шелохнуться. Рядом с друзьями он казался обычным подростком, но сейчас, наедине с ночью, в нём проступала пугающая, первобытная сила. Я поймала себя на том, что разглядываю его совсем иначе, чем прежде. Он заметно вытянулся, плечи раздались вширь, движения потеряли детскую угловатость, а черты лица заострились, став удивительно красивыми.

В груди что-то странно, сладостно перевернулось. Горячая волна мгновенно опалила щеки румянцем, несмотря на ночной ветер. Внезапно все девичьи разговоры про мальчиков, свидания и красивые платья, над которыми я ещё вчера снисходительно смеялась, обрели весомый, осязаемый смысл.

Я смотрела на то, как тяжело вздымаются его плечи, как он смахивает со лба отросшие светлые волосы, как уверенно сжимает рукоять, и у меня перехватывало дыхание. Я вдруг чётко, до покалывания в кончиках пальцев осознала: он мне нравится.

Сердце застучало так бешено, что удары отдавались в самом горле, оглушая своей новизной. Было пугающе, странно, но до дрожи правильно. Мне вдруг отчаянно захотелось спуститься туда, в сизую дымку, подойти к нему и просто встать рядом.

Лео внизу внезапно замер, оборвав взмах клинка на полпути. Словно почувствовав чужое присутствие, он медленно поднял голову, всматриваясь в темноту верхних ярусов.

Я мгновенно отпрянула назад, прячась за каменный выступ, и вжалась спиной в холодную кладку стены. Грудь рвано вздымалась, а пульс оглушительно стучал в висках. Я крепче стянула края шали, и губы сами собой расплзлись в счастливой улыбке, пока в тишине ночи затихали его далёкие шаги.

Глава 15. Лео

Я стоял в тени у массивного шкафа с артефактами, скрестив руки на груди. Мой плащ Жнеца лежал на соседнем стуле. После многочасовых изнурительных тренировок с Каином мышцы ныли от усталости, но уйти отдыхать я не мог. Киллиан вызвал меня лично, приказав «просто присутствовать», пока они проводят исследования. Ведь я «вижу больше» и, возможно, сумею заметить то, что ускользает.

Я прекрасно понимал: весь последний месяц во дворце царило непрекращающееся смятение. Взрослые ходили бледными, как тени, шептались по углам, Киллиан заживо похоронил себя в книгах, а мама то и дело срывалась на крик. И сейчас, в полутёмной лаборатории, давление достигло предела. Мы спустились в самые глубокие подвалы, поскольку им предстояло работать с накопителем энергии.

Киллиан и мама стояли друг напротив друга у центрального стола, склонившись над тускло мерцающим кристаллом. Тот удерживал в себе чистый, пульсирующий стусок янтарной магии. Они пытались сопоставить её вибрации с лавандовыми потоками, вырывающимися из ладоней мамы, отчаянно выискивая точку пересечения. Зачем им это требовалось, я не знал, но в глубине души уже догадывался.

— Сдвинь контур чуть левее, — глухо произнёс мужчина, не поднимая головы. Его лицо казалось серым от хронического недосыпа, а пальцы, покрытые тонкими мозолями от перьев и чертежей, заметно подрагивали. — Мне нужно увидеть, как твоя сила реагирует на статическое сдерживание.

Мама молча кивнула. Она повела ладонью, и с её пальцев сорвался тонкий лавандовый поток, плавно приближаясь к янтарному пламени.

В ту секунду, когда их магия соприкоснулась, воздух в помещении резко, с сухим треском хлопнул. Между ними снова высеклась странная, мощная искра — видимый глазом электрический разряд, от которого свет в лампах рвано притух. В груди мгновенно заложило от тяжести, словно перед взрывом.

Раньше подобное внезапное притяжение вызвало бы между ними неловкость. Они бы смутились, поспешно отпрянули друг от друга; Киллиан непременно поправил бы воротник и отвёл взгляд, а мама спрятала бы руки в складках юбки. Я замечал это не раз. Но теперь всё было иначе. Никакого смущения — только пугающая сосредоточенность.

Они застыли как вкопанные. Их кисти оставались на расстоянии пары дюймов, а между пальцами продолжали лениво покалывать мелкие разноцветные искры. Киллиан медленно поднял голову, и его потемневший взгляд столкнулся с расширенными зрачками мамы.

— Ты почувствовал? — шёпотом спросила она, и её дыхание перехватило.

— Да, — так же тихо ответил Киллиан. Он не отступил. Напротив, сознательно подался чуть вперёд, заставляя своё янтарное сияние плотнее обвить её лавандовую магию. — Они откликаются. Как два замка, выточенные под один ключ.

Прямо на моих глазах двое взрослых хладнокровно препарировали собственное притяжение.

Я сосредоточился, и то, что предстало перед моим взором, заставило сердце испуганно сжаться. В самой глубине маминой груди её душа судорожно дёргалась, натягиваясь в сторону мужчины. А янтарное пламя самого Киллиана упрямо вибрировало на той же частоте. Их сути неохотно, но неостановимо отзывались друг на друга.

Я больше не мог оставаться безмолвной тенью в углу. Пусть я был юн, но уже рисковал жизнью за стенами города, уничтожая чудовищ, и имел полное право знать, почему те, кого я считал семьёй, медленно сходят с ума.

Я сделал три шага вперёд, и мои кованые сапоги громко застучали по каменным плитам. Резонанс между ними тут же оборвался, искры погасли, и взрослые резко повернулись ко мне.

— Что это? — прямо спросил я, глядя на Киллиана в упор. — Что происходит в этом дворце? Вы ведёте себя так, будто мы сидим на пороховой бочке. Почему ваши энергии выдают такой дикий отклик? Что вы ищете в этих свитках?

Они переглянулись. В их глазах промелькнула секундная вспышка испуга, которую они тут же попытались спрятать за привычным хладнокровием. Мужчина выпрямился, мгновенно возвращая себе официальный вид, и принялся неторопливо собирать со стола исписанные листы.

— Мы изучаем влияние Храма, — ответил он сухим, как шелест увядшей листвы, тоном. — Близость Пустоты искажает естественные потоки, создавая ложные резонансы. Ничего такого, что требовало бы твоего внимания.

Я уже привык к стене молчания, в которую утыкался каждый раз, когда пытался узнать правду. Но сейчас Киллиан лишь прикрывал пугающую реальность сложными терминами, словно я был дураком и не понимал, как работает магия.

— Ложные резонансы? — я прищурился, чувствуя, как в груди закипает глухой, сумеречный гнев. Пустота внутри недовольно заворочалась, отзываясь на откровенную ложь. — Вы исследуете структуру её сил уже месяц. Вы боитесь чего-то конкретного. Или... кого-то? Это связано со мной? С Орденом? С Каином? С Богом Смерти?

Мама сделала шаг ко мне, протягивая руку, но её пальцы судорожно сжались, так и не коснувшись моего плеча. В её глазах застыл тот самый страх, который бывает только у матерей, защищающих своего ребёнка.

— Милый, тебе не о чем беспокоиться, правда, — поспешно, чересчур мягко произнесла она, хотя её лавандовый контур продолжал мелко дрожать. — Взрослые дела оставь нам. Мы просто... перестраховываемся. Ситуация в Совете сейчас нестабильна, много политики, вот мы и проверяем...

— Политики? — я коротко, горько усмехнулся, переводя взгляд с её бледного лица на Киллиана. — Вы лжёте мне. Оба. Вы смотрите на меня как на глупого мальчишку. Если мой долг — защищать людей, я обязан знать, с чем мы воюем вне и внутри этих стен. Вы сами позвали меня.

Мужчина глубоко вздохнул, опёрся ладонями о край стола и смерил меня взглядом.

— Разговор окончен, — отчеканил он со строгостью, не терпящей возражений. — Ты получил приказ присутствовать — ты присутствовал. Не заметил ничего нового?

— Нет, но...

— На сегодня исследования завершены. Возвращайся в казармы Храма. И не забивай себе голову тем, что тебя не касается.

Я сжал зубы так, что челюсть свело судорогой. Меня снова выставили за дверь, как ребёнка, не понимая, что я уже видел половину их страшных тайн. Они скрывали правду о том, что считают: Бог Смерти уже давно держит нас всех на коротком поводке.

Я молча сорвал со стула свой плащ, резко накинул его на плечи и, не прощаясь, вышел из лаборатории, с силой захлопнув дубовую дверь. В вылазках за стенами я научился убивать демонов и Одержимых, а здесь самой опасной и удушающей силой оставались ложь и страх тех, кого я любил.

Ярость, смешанная с горькой обидой, заставила меня застыть прямо за порогом, в глубокой тени каменного коридора. Я окутал себя завесой Пустоты — приёмом, который выучил совсем недавно. Мой слух и обострившееся до предела восприятие ловили каждый звук, доносившийся из полутёмного помещения. Они думали, что избавились от свидетеля. Они ошибались.

Внутри комнаты повисла долгая тишина. А затем я услышал, как Киллиан со стоном опустился на стул. Послышался шорох сдвигаемых свитков.

— Он прав, Эвелин. Мы слишком много лжём всем вокруг. И этот отклик, та искра между нами... Всё гораздо хуже.

Я затаил дыхание, плотнее прижавшись спиной к холодной стене.

— О чём ты говоришь? — шёпот мамы прозвучал хрупко, как надломленный лёд.

— Я несколько недель перепроверял контуры твоих сил, сопоставлял их со своими расчётами, — тише сказал Киллиан. — Наши глубинные энергетические структуры... они не просто похожи. Они идентичны по своей частоте и наполнению. Они сотканы из одного и того же первородного материала.

Мама рвано выдохнула. Киллиан сделал паузу, словно собираясь с силами.

— Годы назад я совершил то, чего никогда себе не прощал, — его голос опустился до шёпота. — Единственный раз в своей жизни я переступил черту. И поглотил душу Одержимого. Пускай я не знал, что это такое, думал, что это лишь демон, но...

За дверью я крепко сжал кулаки. Поглотил... Душу?

— После этого я долго ощущал в себе... чужое присутствие, — продолжал он. — Эта энергия сплелась с моим нутром. И та наводка... Она была чужим воспоминанием, а не сведением из свитка.

— О рыжеволосой ведьме в Миридане? — шёпотом спросила мама.

На одном из лабораторных столов что-то стеклянно звякнуло.

— Я годами пытался забыть этот случай, списать всё на бред чужого безумия. Но когда мы впервые встретились... меня обдало могильным холодом. Я ощутил точно то же самое, что ощущал тогда. Тот же вкус, та же вибрация, тот же след.

— Это невозможно... — в голосе мамы слышались слёзы. — Что это значит?

— Это значит, что Бог Смерти сыграл с нами в самую злую шутку, — отчеканил Киллиан.
— Внутри нас заперты осколки одной и той же души. Я не знаю, как возможно расколоть душу, но именно поэтому возникает ощущение...

— Отчаянного стремления друг к другу, словно к чему-то родному...

— Да. Бог Смерти манипулирует нами через наше собственное существование.

— А как же Лео?

— Судя по всему, в нём другой осколок.

Я поджал губы, чувствуя, как внутри моей груди, где тоже было заперто чужое светлое ядро, защемило. Масштаб катастрофы, которую тайно раскапывал Киллиан, превосходил всё, что я мог вообразить. Взрослые не просто боялись внешнего врага — они с ужасом осознавали, что сама их природа, их мысли и их связь были спроектированы задолго до того, как они встретились. Выходит, Киллиан и мама связаны? А я... Если я такой же... Я тоже с кем-то связан? Что-то здесь не сходилось. Бог Смерти ведь не может быть врагом. Он спас Жнецов и оберегает людей...

Прошло несколько дней, но душный морок так и не рассеялся. Секреты взрослых разрастались по замку, как невидимая плесень. Я не мог спать, чувствуя, как узел вокруг нас затягивается всё туже.

Глубокой ночью я возвращался из Храма после изнурительной уборки. Коридоры жилого крыла аристократии тонули в безмолвии, прерываемом лишь редким гулом ламп. Проходя мимо личных покоев Киллиана и Виолетты, я резко замер. Из-за приоткрытых массивных дверей доносились приглушённые, но полные яростного, звенящего напряжения голоса.

С учётом того, сколько я подслушивал в последнее время, впору было объявлять себя шпионом. Но мне необходимо было понять.

— Осколки одной души?! С ней?! — голос Виолетты сорвался на свистящий, полный неподдельной боли шёпот. Я никогда не слышал её такой. Всегда собранная леди, управляющая Союзом, сейчас она казалась смертельно раненной. — Ты хочешь сказать, что связан с другой какими-то узами?!

— Лапушонок, успокойся, прошу тебя, послушай... — хрипло пытался вставить Киллиан. — Это не узы! Это вмешательство Бога Смерти! Он зачем-то столкнул нас...

— Не смей оправдываться Его замыслом! Ты помешался! — резко перебила она его. Послышался глухой удар — должно быть, она в ярости оттолкнула его. — Я ведьма, Ноа! Моё прошлое, вся эта проклятая магия природы, от которой мы пытались сбежать, построив Элларон — всё это прямо сейчас смеётся мне в лицо! Как я должна с этим жить?! Как я должна смотреть на Эвелин, зная, что часть твоей души принадлежит ей?!

Я невольно глубже вжался в каменную нишу.

— Посмотри на меня, — в голосе Киллиана зазвучала глухая, надрывная искренность. — Мой разум, моё сердце, вся моя сознательная жизнь принадлежат только тебе. Этот осколок — лишь ловушка врага. Я найду способ выжечь его. Я выдеру из себя эту душу, и ты зажжёшь новую. Свою судьбу я всегда выбирал и буду выбирать сам.

Виолетта ничего не ответила, лишь тихо всхлипнула.

Я медленно отступил назад, стараясь ступать как можно тише, и пошёл прочь. Чужая такая. Пусть Бог Смерти расколол какую-то душу или души, пусть он вшил их в кого бы то ни было — ему никогда не подчинить человеческое сердце. Я не мог судить за Виолетту и Киллиана, но был абсолютно уверен в любви Каина и мамы.

Я помнил, как Каин закрывал её собой от Одержимых. Помнил, как мама впивалась ногтями в его доспехи во время скандалов, и как их личные, выстраданные узы транслировали в воздух столько бешеной, неистовой преданности, что ничто не могло бы это симитировать.

Их связь была настоящей, кованной, рождённой из общей боли и сознательного выбора двух сломанных людей. Каин никогда не отдаст то, что принадлежит ему. А мама скорее уничтожит саму себя, чем позволит чужой игле притянуть её к другому. И я точно согласен с Киллианом. Мы сами творцы своей судьбы.

Глава 16. Даниэлла

Десять лет — огромный срок. Для меня это была фактически вся сознательная жизнь. Я смутно помнила себя шестилетней, растерянной девчонкой, переступившей порог дворца. За это десятилетие мир вокруг изменился до неузнаваемости: город строился, расширялся, обрастал новыми кварталами, заводами и законами Союза. Время неумолимо двигалось вперёд, оставляя отпечатки на людях и вещах. На всех, кроме них двоих.

Эта мысль оформилась в голове как пугающий, неопровержимый факт. Ещё вчера, во время изнурительной тренировки на мечах с Эвелин, я поймала себя на том, что неотрывно наблюдаю за ней. А вечером, вернувшись в покои, достала из комода старые миниатюры, написанные мамой в наш первый год в Эллароне. Разница между прошлым и настоящим была разительной. И противоестественной.

Я видела, как меняются родители. Мать, несмотря на неизменную статью и грацию, больше не выглядела беззаботной девушкой. Бесконечное напряжение, дипломатические баталии и политика Совета легли тенью на её лицо — в уголках глаз появились едва заметные лучики морщинок. У отца лицо осунулось, а на висках чётко проступили серебряные нити седины. Они были живыми людьми, и время забирало у них дань за прожитые годы.

Но Эвелин и Каин за последние десять лет не изменились ни на день. Лицо тёти оставалось безупречно гладким, словно выточенным из дорогого фарфора: ни одной новой черты, ни признака увядания, ни единой складки у губ или на шее. Дядя и вовсе казался монолитным изваянием — те же суровые, резкие скулы, та же смоляная грива без единого намёка на проседь. Время словно обтекало их стороной, не решаясь коснуться.

Я решила озвучить это за вечерним чаем, когда мы остались с родителями втроём в малой гостиной. Отец вяло ковырялся вилкой в тарелке с десертом, а мать устало массировала виски после очередного заседания. Мои мышцы всё ещё ныли, а разбитое на тренировке колено саднило. Но это стоило того: Эвелин учила меня быть настоящей ведьмой, использовать как магию, так и силу тела, чтобы уметь защитить себя.

— Мам, пап, — тихо позвала я, отставляя чашку. — Вы никогда не замечали кое-что странное... в тёте Эвелин и дяде Каине?

Отец вздрогнул, выплывая из мыслей, а мать вопросительно посмотрела на меня.

— О чём ты? — мягко спросила она.

— Они не стареют, — прямо сказала я, переводя взгляд с одного родителя на другого. — Вообще. Я сегодня пересматривала портреты десятилетней давности. Вы с отцом изменились, это естественно. Но Эвелин и Каин... На их лицах ни одной новой черты. Словно для них время просто остановилось. Почему так? Это дар Бога Смерти за героизм?

Посуда на столе тихо звякнула от внезапно натянувшегося воздуха. Родители обменялись быстрыми взглядами, но промолчали.

Позже в тот же вечер отец позвал меня за собой. Мы поднялись на самую высокую, закрытую галерею Храмового крыла, откуда сквозь окна открывался вид на уединённый внутренний дворик. Там, внизу, среди блёклых плит и редких кустов увядающей сирени, находились Каин и Эвелин. Они не разговаривали. Мужчина методично точил огромный боевой топор, а наставница сидела на каменной скамье чуть поодаль, обхватив плечи руками, защищаясь от ветра.

Отец долго стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу. Наконец он заговорил — тихо, взвешенно, словно читал лекцию:

— Ты права. Они не стареют, — произнёс он. — И это не благословение. Это биология изначальных сил, архитектурный закон, который я пытаюсь разгадать уже много лет.

Отец повернулся ко мне, и его взгляд впился в моё лицо.

— В нормальном человеческом организме энергия течёт свободно, она расходуется, угасает и обновляется вместе с клетками тела. Мы растём, достигаем зрелости, а затем медленно увядаем — это естественный цикл жизни. Но когда в структуру существа вмешиваются силы такого масштаба, как Хаос или воля Бога Смерти, этот закон ломается.

Он указал за окно, вниз, на застывшие фигуры.

— Биологические метаморфозы этих сил устроены так: рост и старение организма полностью останавливаются в момент абсолютного пика, в наивысшей точке энергетического зенита. Время не может разрушить их ткани, потому что контуры зафиксированы мёртвой хваткой. Проще говоря... Они навсегда замерли в момент своего наивысшего расцвета.

Я нахмурилась, пытаюсь осознать его слова. Я уже понимала основы управления силами, но то, о чём говорил отец, звучало пугающе.

— Но если они зафиксированы... почему это так тревожит тебя? Разве вечная молодость и сила — это плохо для защитников?

Он горько усмехнулся.

— Потому что за всё нужно платить. Ничто не берётся из ниоткуда.

Он снова повернулся к стеклу, и его голос опустился до едва слышного шёпота.

— Да и... обычные Жнецы стареют. Но Каин... Знаешь, почему с ним всё иначе?

Я покачала головой, чувствуя, как по спине пополз ледяной туман предчувствия. Моё ведьмовское восприятие уловило, как от папы внезапно повеяло холодком.

— Те нити, которые связывают его с Эвелин, — отец глухо ударил ладонью по подоконнику. — Каин в буквальном смысле «пьёт» её жизненную силу через эти Узы. Они позволяют ему восполнять потери так же, как мои демоны черпают силы во мне. Она — его вечный донор. А сама Эвелин подпитывается извне.

Я поджала губы. Тётя на скамье в этот момент слегка вздрогнула и плотнее закуталась в плащ, словно её прошиб внезапный озноб. Каин на секунду замер, прервав мерный скрежет, и повернул к ней голову. Они явно общались, но без единого слова.

— Но самое страшное не это, — отец подошёл ко мне вплотную и сжал мои плечи. Его зрачки лихорадочно расширились, выдавая пугающее, безумное напряжение, от которого мне захотелось отпрянуть. — С Лео со временем произойдёт то же самое.

— С Лео? — дыхание перехватило. Отчего мне вдруг начали открывать такие тайны? Впрочем, то, что он другой, я знала и без отцовских лекций.

— Лео и Эвелин иные, — отрезал отец, усиливая хватку. — Их создал Бог Смерти. Это Он их кормит.

— Но откуда Бог Смерти черпает энергию?

— Источников много. Природа, поглощение душ, что угодно... Я не знаю.

Папа заглянул мне в самые зрачки, и от его шёпота у меня подкосились колени.

— Мы все тут не просто так. И я пытаюсь разобраться в этом. Ты достаточно взрослая, чтобы знать. Время, к сожалению, играет против меня.

Его слова камнями ложились на душу. Он говорил с абсолютной уверенностью, но внутри меня рождалось глухое сомнение.

Из этого оцепенения меня вырвал резкий импульс. Там, внизу, во дворике, Эвелин вскинула голову — словно её обострившийся дар уловил наше присутствие сквозь толщу двойных стёкол. Она посмотрела прямо на галерею и слабо, но требовательно махнула рукой, призывая спуститься. Её спутник даже не обернулся, продолжая скрежетать точилом по лезвию, но его широкие плечи заметно напряглись.

— Пойдём, — тихо сказал отец. — Раз уж нас заметили, скрываться глупо.

Когда мы спустились и вышли на прохладные плиты дворика, Каин отложил точильный камень, поднялся во весь свой огромный рост и опёрся на древко топора. Его тёмные глаза сканировали нас с явным раздражением.

— Какими судьбами, Безумный Король? — в его голосе сквозила привычная, опасная ирония. — Решил подышать свежим воздухом или твои архивные крысы наконец-то разбежались?

— Провожу дочери очередной урок, — спокойно, но с явным превосходством ответил Киллиан, останавливаясь возле скамьи.

Наставница выглядела совсем бледной, её пальцы, сжимающие полы плаща, слегка подрагивали. Киллиан, заметив это, нахмурился, и его тон стал жёстче:

— Ты в порядке, Эвелин?

— Да, просто мы в очередной раз повздорили, — выдохнула она.

— Совсем ты не бережёшь возлюбленную, Жнец, — отец повернулся к Каину.

Тот хищно ухмыльнулся, сделав медленный шаг в нашу сторону.

— Всему виной твои «исследования». Ты копаешься в её душе каждые три дня.

— Я связан с ней куда тоньше, чем хотелось бы. И поверь, дело не в исследованиях.

Я с непониманием взглянула на отца. Связан? Он и тётя Эвелин? Что это значит? Всё болезненно жалось.

— Папа, о чём ты? — шёпотом уточнила я. — Как это?

Он вдруг осекся, его привычная уверенность мгновенно испарилась. Он перевёл на меня быстрый, встревоженный взгляд и попытался поспешно сгладить углы:

— Наш общий ментальный фон после стольких лет...

Но эта неуклюжая попытка оправдаться уже никого не могла спасти. Я попятилась, чувствуя, как внутри нарастает непонимание. Каин застыл. Его ухмылка медленно исчезла, а зрачки полностью затопила чёрная, беспросветная Пустота. Точильный камень с глухим стуком упал. Черты его лица исказила бешеная судорога. Я ощутила, как воздух вокруг начинает обжигать кожу. Я знала, что у Жнецов проблемы с контролем, а у Каина всё хуже из-за уз с человеком, но чтобы настолько...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.